

**Глафира Ивановна Ржевская
Татьяна Григорьевна Морозова
Александра Ивановна Соколова
Елизавета Николаевна Водовозова
Анна Владимировна Стерлигова
Вера Николаевна Фигнер
Институт благородных девиц (сборник)
Серия «Как жили женщины разных эпох»**

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17501934
Институт благородных девиц: Алгоритм; М.: 2016
ISBN 978-5-906842-26-8

Аннотация

Смольный институт благородных девиц был основан по указу императрицы Екатерины II, чтобы «... дать государству образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества». Спустя годы такие учебные заведения стали появляться по всей стране.

Не счесть романов и фильмов, повествующих о курсистках. Воспитанницы институтов благородных девиц не раз оказывались главными героинями величайших литературных произведений. Им посвящали стихи, их похищали гусары. Но как же все было на самом деле? Чем жили юные барышни XVIII–XIX веков? Действовал ли знаменитый закон о том, что после тура вальса порядочный кавалер обязан жениться? Лучше всего об этом могут рассказать сами благородные девицы.

В этой книге собраны самые интересные воспоминания институток.

Быт и нравы, дортуары, инспектрисы, классные дамы, тайны, интриги и, конечно, любовные истории – обо всем этом читайте в книге «Институт благородных девиц».

Содержание

Глафира Ивановна Ржевская	5
Памятные записки	6
Вступление[1]	6
Одиннадцатилетнее пребывание мое в Смольном монастыре	8
Об отношениях моих ко двору	22
Анна Владимировна Стерлигова	32
Воспоминания	33
Конец ознакомительного фрагмента.	66

**Глафира Ржевская, Анна Стерлигова,
Елизавета Водовозова и др
Институт благородных девиц**

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Глафира Ивановна Ржевская (1759–1826)

Ржевская Глафира Ивановна (урожд. Алымова, во 2-м браке Маскле; 1759–1826) – «первая смолянка», была лучшей в первом выпуске Воспитательного общества благородных девиц при Смольном монастыре (впоследствии Смольного института). Поступила в 1764 г., выпущена с золотой медалью первой величины и золотым шифром в 1776 г. Пользовалась особой любовью и покровительством Екатерины II, фрейлиной которой стала сразу после выпуска. Считалась одной из лучших арфисток своего времени; с арфой изображена и на известном портрете кисти Д.Г. Левицкого (Русский музей).

Первым браком (с 1777 г.) была за А.А. Ржевским (1737–1804), от которого имела троих сыновей и дочь. В 1780 г. Г.Р. Державин посвятил супругам Ржевским оду «Счастливое семейство». Во втором браке Г.И. Ржевская была за И.П. Маскле. Скончалась в Москве, похоронена на Ваганьковском кладбище.

«Памятные записки» были написаны в начале XIX в. на французском языке.

Для публикации в «Русском архиве» (1871. Кн. 1. Вып. 1), использованной в настоящем издании, были переведены на русский язык правнучкой Г.И. Ржевской, дочерью известного декабриста П.Н. Свистунова – Магдалиной Петровной Свистуновой (1848–?) и сокращены.

В примечаниях использованы комментарии П.И. Бартенева к первой публикации.

Памятные записки Избранные главы

Вступление¹

Нерадостно было встречено мое появление на свет. Дитя, родившееся по смерти отца², я вступала в жизнь с зловещими предзнаменованиями ожидавшей меня несчастной участи. Огорченная мать³ не могла выносить присутствия своего бедного девятнадцатого ребенка и удалила с глаз мою колыбель, – а отцовская нежность не могла отвечать на мои первые крики. О моем рождении, грустном происшествии, запрещено было разглашать. Добрая монахиня взяла меня под свое покровительство и была моею восприемницею. Меня крестили как бы украдкой. По прошествии года с трудом уговорили мать взглянуть на меня. Она обняла меня в присутствии родных и друзей, собравшихся для этого важного случая. День этого события был днем горести и слез. Отец благословил меня еще до моего рождения и завещал дать мне имя, которое я ношу. Это обстоятельство часто служило мне утешением среди горестного моего сиротства. Мне постоянно твердили о нерасположении ко мне матери моей. Пока я жила возле нее, я нисколько этого не замечала и не страдала от этого: напротив, хотя я была ребенок, но видела, что строгость, которой придерживались в отношении к моим братьям и сестрам, не простиралась на меня; причины этого я не понимала. Я нисколько не боялась матери, но всячески старалась ей угодить. Она меня ласкала не более других детей, но чаще улыбалась мне и всегда со слезами на глазах. Когда, семи лет, меня разлучили с нею, чтобы поместить в Смольный монастырь, я начала огорчаться всем, что приходилось мне слышать до этой поры. Чувствительность моя развилась при виде ласк, которыми осыпали родители моих подруг. Из пятидесяти девушек я была почти единственная, не видевшая родительской нежности. Некоторого рода обожание, предметом которого служила я для всех окружающих, не могло заменить чувства, недостававшего для моего счастья. Я имела повод сомневаться в любви моей матери. Наконец, через семь лет, дождалась я желаемого свидания с нею. В минуту доброта ее изгладила все внешние впечатления, а доверие ее развернуло передо мной трогательную картину добродетели, борющейся с несчастием. Горе моей матери еще сильнее привязало меня к ней; я дрожала при виде страданий, искавших ее благородные черты. Степенный вид ее внушал почтение, придавая вес ее речам, из которых почерпнула я познание священных обязанностей супругов, родителей и детей; вся жизнь ее была образцом самого совершенного исполнения правил евангельских. Ее советы глубоко укоренились в моем сердце. Смотря на нее и слушая ее, я не переставала оплакивать несчастную судьбу, которая так долго удаляла меня от нее и скоро должна была разлучить нас навеки. Я вскоре имела несчастье лишиться ее.

¹ Предваряя публикацию, Бартенев сообщал, что рукопись записок сохранилась в Калуге у Варвары Александровны Зыбиной (воспитанницы Г.И. Ржевской) и была предоставлена в редакцию «Русского архива» внуком мемуаристки П.Н. Свистуновым. По словам Бартенева, Ржевская «в понятиях своих и суждениях, в образе мыслей и действий <...> представляет собой замечательный тип так называемой «монастырки» доброго старого времени».

² Отец Г.И. Ржевской – Иван Акинфиевич Алымов (? – 1759), отставной полковник лейб-гвардии Конного полка.

³ Мать Г.И. Ржевской – Анна Васильевна Алымова.

Портрет Г. И. Алымовой.
Художник Д. Г. Левицкий. 1776 г.

Глафира Ивановна Алымова, в первом браке Ржевская (1758—1826) — фрейлина Екатерины II, одна из первых арфисток. Входила в первый выпуск института 1776 года, закончила воспитание «первою» и была награждена золотой медалью первой величины и «знаком отмены» — золотым вензелем Екатерины на белой ленте с 3 золотыми полосками

Чувство мое к матери, слабое вначале и как бы призрачное под конец, искусственно мной поддерживаемое, без поощрения исчезло в течение трех месяцев.

Я не знала других моих родных, у меня осталось пять братьев и семь сестер; из них всех один Д[митрий] был моим другом до конца жизни. Нежность его ко мне доходила до слабости: он только возле меня был счастлив.

Теперь бы следовало поговорить о муже и детях, на которых сосредоточились мои чувства. Но предварительно расскажу об эпохе, предшествовавшей моей свадьбе. Не повторю сказанного о влиянии на меня воспитания; по-моему, оно не перерождает человека, а лишь развивает его природные склонности и дает им или хорошее, или дурное направление.

Одиннадцатилетнее пребывание мое в Смольном монастыре

Прелестные воспоминания! Счастливые времена! Приют невинности и мира! Вы были для меня источником самых чистых наслаждений. Благоговею перед вами!

Августейшая и великодушная государыня, положившая первые основания заведения, достойного тебя, прими здесь выражение столь заслуженной тобою благодарности. Память о тебе не изгладится в самые отдаленные века!

Обширнейшее государство в мире провозглашает имя Екатерины II. История сохраняет славные события самого великого царствования, целое поколение свидетельствует о ее благодеяниях; но ее можно вполне оценить, лишь узнав, как она была ласкова к тем, кого называла своими детьми, как была доступна для них.

Сироты, бедные и богатые, имели одинаковое право пользоваться прекрасным воспитанием, основой которому служило совершенное равенство. Это была община сестер, подчиненных одним правилам. Единственным отличием служили достоинства и таланты. Скрывая всегда расстояние, отделяющее подданных от государыни, мать и покровительница заведения не могла лишь скрыть от воспитанниц великих качеств, ее отличавших. Дозволяя детям короткое обращение с собою, она никогда не роняла своего величия.

Первый выпуск, к которому я принадлежала, наиболее воспользовался всеми выгодами заведения.

Плоды хорошего воспитания проявляются во всяком положении: я это испытала как в счастье, так и в горе. Теперь же, в преклонных летах, я с признательностью вспоминаю об этой счастливой поре моей жизни. Прожив долго в свете и при дворе, среди вражды и страстей людских, я вполне могу оценить прелесть этого мирного приюта.

Образчиком тамошнего воспитания могу служить я. Поставив себе целью перебрать все мои привязанности, я в то же время постараюсь доказать мудрость основательницы заведения. Она с намерением поместила его вне города, дабы удалить воспитанниц от сношения с светом до той поры, когда вполне развитый разум и твердо укоренившиеся в сердце нравственные начала способны будут охранить их от дурных примеров. Как многих других, природа одарила меня счастливыми наклонностями, основательным же развитием их я преимущественно и единственно обязана воспитанию. В свете ничего нет прочного; обычай берет верх над правилами. Видишь лишь обезьян и попугаев, а не встретишь самобытного характера, отличающего человека от других, как отличается он чертами лица; но, при всеобщем однообразии, резко выдаются характеры девушек, воспитанных в наших заведениях, из них каждая имеет свой личный характер. Так называемая оригинальность их, которую осмеивали многие, имела весьма хорошие стороны. Из них вышли прекрасные супруги. Им приходилось бороться против существовавших предубеждений насчет институтского воспитания, встречаемых даже в собственной семье, и против общего нерасположения. Во всех испытаниях они действовали прямо, энергично защищая свои правила. Лишь немногие из них отступили от данного им хорошего направления.

Не считаю эти рассуждения неуместными, потому что для обсуждения действий необходимо ознакомиться с обстоятельствами жизни, их вызвавшими. Впрочем, в моих воспоминаниях я не держусь никакого плана: я лишь самой себе отдаю отчет в том, что видела, чувствовала и испытала.

Нельзя вообразить себе более счастливого положения, чем то, в котором я находилась в течение одиннадцати лет в Смольном⁴. Счастье, которым я пользовалась, нельзя сравнить ни с богатством, ни с блестящим положением светским, ни с царскими милостями, ни с успехами в свете, которые так дорого обходятся. Скрывая от нас горести житейские и доставляя нам невинные радости, нас приучили довольствоваться настоящим и не думать о будущем. Уверенная в покровительстве Божиим, я не ведала о могуществе людей и навеки бы в нем сомневалась, если бы опыт не доказал мне, что упование на Бога не охраняет нас от их злобы.

Первая наша начальница была княжна Анна Сергеевна Долгорукова⁵, титулованная дама, пожалованная портретом императрицы. Судить ее я не позволю себе, потому что была тогда слишком молода. Помню случай, лично относившийся ко мне, который обнаружил ее неспособность занимать это важное место, вследствие чего ее осыпали милостями, чтобы склонить отказаться от должности. Она кичилась богатством, знатностью рода и притом была ханжа и суеверна. Будучи остроумна, она не имела достаточно ума для того, чтобы быть выше предрассудков, которые решено было изгнать из нашего мирного приюта. Гордая повелительница, она хотела, чтобы все склонялось пред нею, и не продержалась на своем месте более восьми месяцев.

Княжна присутствовала при молитвах воспитанниц. Однажды во время вечерней молитвы кто-то вошел в комнату, и мы все обернулись. Каково же было мое удивление, когда в этой общей вине одна я признана была виноватою: меня поставили на колени и сделали мне строгий выговор. Я очень была огорчена своим проступком; мне не приходило в голову разбирать, виновны ли были и другие; я плакала целые сутки и даже на другой день, когда стало известно, что наказание мое было лишь предлогом, чтобы сделать неприятности г-же Л[афон]⁶ и г-ну Б[ецкому]⁷, начальница нисколько не скрыла этого, прямо сказав мне, что

⁴ *Смольный институт* (официальное название – Воспитательное общество благородных девиц) был основан указом Екатерины II 5 мая 1764 г. Соответствовал разработанной Екатериной и И.И. Бецким программе «создания новой породы людей», сформулированной в «Генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества», согласно которой «просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях паче во вред бывает, если кто от самых нежных юности своих лет воспитан не в добродетелях, и твердо оные в сердце его не вкоренены. Посему ясно, что корень всему злу и добру – воспитание. Достигнуть же сего последнего с успехом и твердым исполнением не иначе можно, как избрать средства к тому прямые и основательные, т. е. произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, которые детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие они получили сами, и от них дети передали паки своим детям, и так следуя из родов в роды в будущие века» (цит. по: Семенов ДД Деятельность К.Д. Ушинского в Смольном институте по личным воспоминаниям автора // Памяти К.Д. Ушинского. СПб., 1896. С. 70). Для осуществления плана воспитанницы нового учебного заведения должны были надолго быть изъяты из семьи и в отрыве от пагубных домашних примеров воспитаны в соответствии с новыми правилами благонравия и добродетели. В институт принимали в шестилетнем возрасте; курс обучения длился 12 лет и состоял из четырех трехлетних классов. Все это время воспитанницы безвыездно пребывали в стенах института и не имели свиданий с родными. Для занятий первоначально назначались только учительницы, которые должны были неотлучно днем и ночью находиться при детях. Эти правила просуществовали в Смольном до кончины Екатерины II. Императрица Мария Федоровна, взявшая институт под свое покровительство, провела в нем ряд преобразований: срок обучения был сокращен до 9 лет – трех трехлетних классов, возраст приема в институт повышен до 9 лет, разрешены свидания с родными, для преподавания приглашены учителя-специалисты, а круглосуточно находиться при детях стали классные дамы.

⁵ *Долгорукова* Анна Сергеевна (1719–1778) – княжна, камер-фрейлина, начальница Смольного института в 1764–1767 гг. «Княжна Долгорукова недолго пробыла начальницей; надменная, малообразованная, суеверная, лишенная педагогического и административного такта, она скоро обнаружила неподготовленность и неспособность к выполнению возложенной на нее императрицей трудной и ответственной должности» (Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц: Исторический очерк. СПб., 1914. Т. I. С. 81).

⁶ *Лафон* Софья Ивановна де (1717–1797) – из семьи гугенотов; переселилась в Россию из-за религиозных гонений. Правительница Воспитательного общества благородных девиц в 1764–1773 гг. и его начальница с 1773 г.; статс-дама (1796), кавалерственная дама ордена Св. Екатерины малого креста (1797). Оценка мадам Лафон современниками была неизменно

наказала их любимицу, и потом, чтобы вознаградить меня, начала нежно ласкать. Правда, что я была общею любимицею в заведении и осталась ею до конца; но в ту пору я была восьмилетним ребенком, не имевшим ни родных, ни протекции, и лишь хорошим поведением старалась заслужить общее расположение.

Около этой же поры я действительно провинилась, и проступок мой был такого рода, что обличал необыкновенную гордость и упрямство; но он же послужил мне уроком, и потому я стала недоверчиво смотреть на самые качества свои. Случилось это вследствие наказания, которому подвергся весь класс, исключая пять или шесть учениц, в числе которых была и я. Их поставили на колени во время обедни, а после службы простили и всем позволили играть по обыкновению. Сама не знаю почему, я имела превосходство над подружками; они всегда собирались вокруг меня, во всем спрашивали моего совета и спорили из-за дружбы со мной. Надо заметить, что в это время все мы были одноклассницы, от 8 до 9 лет. На этот раз я вздумала сторожиться (то есть остерегаться, беречься. — *Прим. ред.*) от всех, которые были под наказанием, и вместе с остальными держалась в стороне, не позволяя виновным подходить к нам. Одна из них, от которой я в особенности сторожилась, обиженная оскорбительными словами, сказанными ей с презрением, пожаловалась гувернантке. Этой выходки я не ожидала, так как я привыкла, чтобы подчинялись моему приговору. В этом же случае я уверена была, что поступила вполне с достоинством. Когда мне доказали громадность моего проступка, он мне показался до того отвратительным, что от стыда я не хотела в нем признаться. Свидетельство и улика еще более смутили меня; сознавая свою вину и каюсь в ней внутренне я не решилась сознаться во лжи при подружках, которые меня считали своим оракулом. Но, преследуемая угрызениями совести и страхом прогневать Бога, в горести, я на коленях умоляла Его о помощи, обещая вперед не впадать в эту вину, лишь бы Он дал мне выпутаться из беды на этот раз. Но мне не уступали; я продолжала отпираться, и меня строго наказали.

Это обстоятельство сделало на меня сильное впечатление. Образцовым поведением старалась я загладить случившееся. Старания мои увенчались таким успехом, что впоследствии ко мне стали требовательнее, чем к кому-либо. Я начала сомневаться в успехе своих усилий; самая большая похвала могла лишь разочаровывать меня. Благодаря стараниям и размышлениям, я стала до того строга к себе, что чем более меня отличали, тем старательнее становилась я, желая усовершенствоваться и сохранить общее расположение.

Между нами царил согласие: общий приговор полагал конец малейшим ссорам. Общюдное уважение мы ценили более милостей начальниц, никогда не прибегали к заступничеству старших, не жаловались друг на друга, не клеветали, не сплетничали, потому не было и раздоров между нами. В числе нас были некоторые, отличавшиеся такими качествами, что их слова служили законом для подруг. Вообще большею частью были девушки благонравные и очень мало дурных, и то считались они таковыми вследствие лени, непослушания или упрямства. О пороках же мы и понятия не имели.

Г-жа Лафон (Lafond), с редким умом управлявшая заведением в течение 30 лет, утвердила на прочных основах принятую систему воспитания. Она всецело предалась делу. С дальновидностью наблюдавшая за общим порядком, она выказывала большую деятельность в частных распоряжениях. С свойственною ей предусмотрительностью она предупреждала

высока. Так, И.М. Долгоруков писал о ней: «Жена моя, как и все монастырки, имела к ней неограниченную доверенность и почтение <...> По тому уважению, которое оказывала ей жена моя до последнего издыхания, я не могу и сам забыть г-жи Лафон, хотя, впрочем, не входил никогда с ней <...> ни в какое непосредственное отношение» (Долгоруков И.М. Капище моего сердца. М., 1997. С. 42–43). См. о ней: Русский биографический словарь. Том «Лабзина – Ляшенко». СПб., 1914. С. 91.

⁷ *Бецкой* Иван Иванович (1704–1795) – видный русский просветитель, главный попечитель Воспитательного общества благородных девиц (1764–1795), инициатор школьной реформы 1763–1764 гг., в результате которой была создана система закрытых учебно-воспитательных учреждений сословного характера. См. о нем: Майков П.М. И.И. Бецкой: опыт его биографии. СПб., 1904.

злоупотребления. Твердо и бдительно следя за тем, чтобы все лица, которые должны были содействовать успеху ее предприятия, добросовестно исполняли свои обязанности, она как бы воспитывала их прежде, нежели удостоить своим доверием. Ту же заботливость выказывала она при выборе прислуги, что так важно в заведении, где чистота нравов почитается залогом всех добродетелей. Г-жа Лафон принадлежала к доброму семейству, которое вследствие религиозных раздоров принуждено было покинуть Францию и искать убежища в России. Поселившись в Петербурге, родители ее продолжали свою торговлю вином и открыли первую в городе гостиницу, которую стали посещать знатные особы. Нажив состояние, они позаботились дать хорошее образование своей единственной дочери, которая родилась у них на старости лет; мать родила ее, будучи 50 лет. Красивая и богатая, она имела много женихов и в пятнадцать лет вышла замуж за француза, генерал-майора в русской службе. Она была несчастлива в замужестве, все свое состояние и спокойствие принесла в жертву мужу, который под конец совершенно сошел с ума и угрожал не раз убить ее и двух дочерей. Растратив женино состояние, он требовал в припадке сумасшествия, чтобы она и дети приняли католическую веру, к которой сам он не принадлежал, но считал это необходимым для получения наследства от своих родителей, находившихся во Франции. Он непременно хотел вернуться на родину; жена возила его за границу на воды, истратив на лечение его последние средства. Ничто не помогло; он умер, и г-жа Лафон с двумя детьми осталась в крайней нужде, без помощи, на чужой стороне. Она желала вернуться в Россию, чтобы собрать деньги, данные ее отцом взаймы нескольким лицам, и обратилась за помощью к нашему посланнику в Париже. Тут-то познакомился с нею г-н Бецкий и стал рассчитывать на нее как на особу, способную исполнить задуманный им план.

Возвратясь в Россию, г-жа Лафон продолжала видаться со своими прежними друзьями и знакомыми, находилась в лучшем обществе, всеми была любима и уважаема. В особенности привязался к ней г-н Бецкий; он ценил общество этой женщины, извлекавшей столько пользы из своих несчастий, притом умной, веселой и заслужившей общее уважение своим примерным поведением. Познания ее были нужны для его любимого предмета; он часто советовался с ней, так что она уже вполне была подготовлена, когда ей поручено было заведение, и ей оставалось лишь привести в исполнение глубоко обдуманый план. На ее долю пал весь труд. Сначала, находясь при заведении в качестве директрисы, она на каждом шагу встречала противодействие главной начальницы; заменив ее, она ввела надлежащий порядок. Под ее рукою заведение вполне процветало. Ему можно было уподобить лишь Сен-Сирское учреждение во Франции⁸. Чтобы внушить более доверия к этому новому учреждению, во главе его поставили знатную особу, пожаловали ее портретом императрицы, с целью придать ей еще более весу⁹. Но выбор этот удовлетворил лишь тех, которые прельщаются внешностью, не заботясь о сущности дела. Люди же разумные, принимавшие к сердцу общественную пользу учреждения, ясно видели превосходство г-жи Лафон и считали знатность рода излишнею. Вполне достойная вознаграждений за свои услуги, г-жа Лафон лишь незадолго до смерти своей получила портрет вместе с орденом Св. Екатерины. Умерла она в бедности, ровно ничего не оставив своей дочери. Общее уважение к ее личным достоинствам вознаграждало ее за недостаток отличий, которых старались ее лишать с помощью интриг.

⁸ *Сен-Сир* – первая в Европе женская закрытая школа, основанная на государственные средства и предназначенная для воспитания дочерей небогатых французских дворян. Была учреждена в 1686 г. недалеко от Парижа мадам де Ментенон – фавориткой, затем морганатической женой Людовика XIV. Просуществовала до Великой французской революции. Носила название «Институт св. Людовика» (а также «Дочери св. Людовика»). Школа в Сен-Сире, которую окончила и С.И. де Лафон, послужила образцом для Смольного института, а затем и других женских институтов России.

⁹ Речь идет об особо почетной награде, занимавшей в иерархии знаков отличия, принятой в России, исключительное место. Она представляла собой небольшой овальный медальон с изображением правящего монарха (в редких случаях – двух монархов: предшествующего и настоящего), обычно в бриллиантовой оправе. «Портрет» вручался лицам, наиболее близким к особе государя либо наиболее им отличаемым.

Прежде, нежели сказать, как дорога она была для меня лично, я должна была высказать, как ценима она была вообще. Она была предметом моей первой привязанности. Никто впоследствии не мог мне заменить ее: она служила мне матерью, руководительницей, другом и была покровительницей и благодетельницей моей. Я вполне поняла это, будучи в таких летах, когда могла отдать себе отчет в различных чувствах моих к ней. Любить, почитать и уважать ее было для меня необходимостью. Мое чувство в ту пору походило на сильную страсть: я бы отказалась от пищи ради ее ласк. Однажды я решилась притвориться, будто я не в духе, рассердить ее, чтобы потом получить ее прощение: она так трогательно умела прощать, возвращая свое расположение виновным. Это заметила я в ее отношениях к другим и пожелала испытать всю прелесть примирения. Видя ее удивленную и огорченную моим поведением, я откровенно призналась ей в своей хитрости. С свойственной ей кротостию она советовала мне умерять мою излишнюю чувствительность, которая будет возмущать мое спокойствие, если я ей предамся без меры. Она говорила, что предпочитает меня другим, но не должна этого выказывать, чтобы не возбудить зависти. «Дитя мое, – сказала она мне, – вы заслуживаете общую любовь в заведении, но не надейтесь встретить в свете то же расположение и бойтесь, чтобы привычка к отличию и предпочтению не сделала бы вас гордою и требовательною».

Таким образом, эта умная наставница не пропускала случая дать мне добрый совет. Я же старалась чаще подавать ей повод к этому, сообщая ей самые тайные мысли свои и намерения. Я не могла наслушаться ее и извлекала из ее советов и увещаний правила, с которыми согласовала свое поведение. По окончании уроков я бежала к ней, чтобы пользоваться ее беседою или чтением. Иногда меня выпроваживали, я угадывала, почему, и возвращалась в сопровождении подруг. Наконец, благодаря моей настойчивости и похвальной цели моих посещений, г-жа Лафон не стала противиться тому, чтобы я находилась возле нее, и сама не могла обойтись без меня. Я стала ее другом; мне поверяла она свое горе, я же была ее сиделкою (в последнее время она часто хворала).

Из других моих привязанностей в Смольном одна лишь дружба с г-жой Рубановской¹⁰ была серьезным чувством. Она осталась моим единственным искренним другом до последней минуты своей жизни. С обеих сторон чувство доходило до совершенной преданности. По смерти ее я имела счастье оказать услуги ее семейству, детям и тем исполнила священный долг, заплатив за ее дружбу, которая до того времени не требовала от меня ни малейшего пожертвования. Искусное перо могло бы написать целую книгу о ее добродетелях, несчастьях и твердости духа, которая послужила бы к назиданию многих.

Остается мне поговорить о И.И. Бецком, игравшем столь важную роль в моей жизни с самого детства моего и до замужества. Затрудняюсь определить его характер. Чем более я о нем думаю, тем смутнее становится он для меня. Было время, когда влияние его на меня походило на очарование. Имея возможность делать из меня что ему вздумается, он по своей же ошибке лишился этого права. С сожалением высказываю это, но от истины отступать не хочу. Факты докажут, что мы, несмотря на свободную волю, не можем избежать своей судьбы.

И.И. Бецкий своим усердием, бескорыстием и патриотизмом отличался во всех отраслях вверяемого ему управления. Своими заслугами он достиг высших должностей, всеобщего уважения и полного доверия великой Екатерины. Полезные заведения, основанные им

¹⁰ Имеется в виду Анна Васильевна Рубановская (1750-е гг. – 1783), одноклассница и близкая подруга Ржевской по Смольному. Окончив – также с шифром – в 1776 г. курс Смольного, Рубановская в том же году вышла замуж за писателя А.Н. Радищева. От этого брака у нее были дочь и три сына: Василий (1777 —?), Николай (1779–1829) и Павел (1783 – после 1858), которых после смерти Радищевой в 1783 г. воспитывала ее сестра, также выпускница первого набора Смольного, Елизавета Васильевна Рубановская (? – 1797), вскоре ставшая гражданской женой Радищева и последовавшая за ним в сибирскую ссылку.

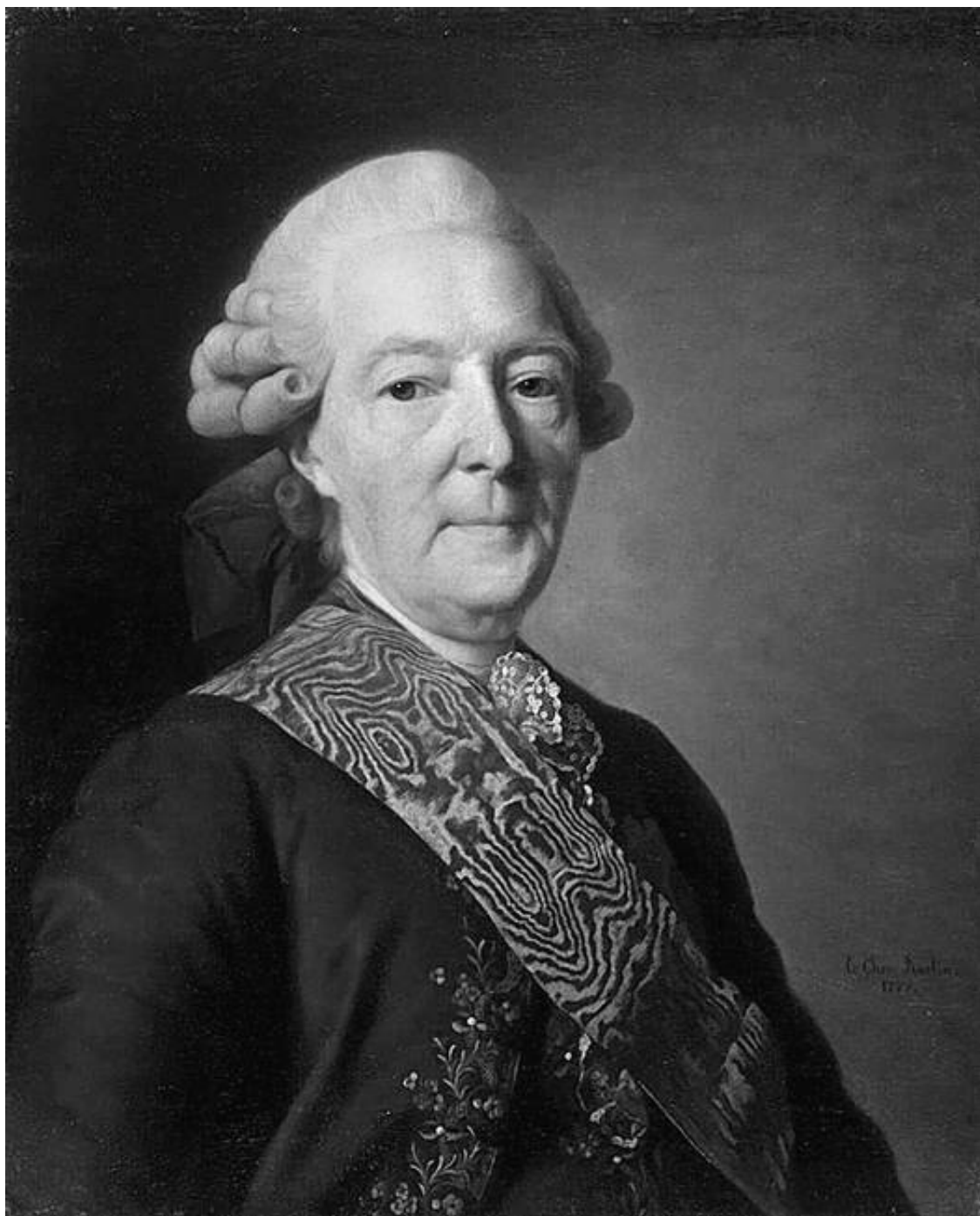
для общественного блага, были его величайшими заслугами. О значении, какое он имел, забыли; но заслуги его останутся всем памяты. Воспитательные дома в Москве и Петербурге¹¹ и два заведения при Смольном монастыре, одно для дворянских дочерей, другое – для мещанок¹², послужат незабвенными памятниками его трудов. Устав этих заведений, им составленный, свидетельствует о качествах его ума и сердца.

Императрица, определившая значительные суммы на содержание этих заведений, поручила их Бецкому, которому принадлежит честь составления плана и исполнения его. Будучи единственным распорядителем в этом предприятии, он не упустил из виду ни малейшей подробности, победил величайшие затруднения. Он удачно выбирал лиц, которые должны были помочь ему в деле. Они являлись со всех сторон; каждого допускал он к себе и в выборе своем редко ошибался, что могут засвидетельствовать даже самые враги его. Этого удивительного человека, этого почтенного старца приучили нас уважать как отца и защитника.

Таков он был до последней минуты нашего пребывания в Смольном для всех воспитанниц; достойнейшим старался доставить самые большие преимущества и был в этом случае справедлив без малейшего лицемерия. Отношение его ко мне было иного рода. С первого взгляда я стала его любимейшим ребенком, его сокровищем. Чувство его дошло до такой степени, что я стала предметом его нежнейших чувств, целью всех его мыслей. Это предпочтение несколько не вредило другим, так как я им пользовалась для блага других: ничего не прося для себя, я всего добивалась для своих подруг, которые благодарны мне были за мое бескорыстие и вследствие этого еще более любили меня. Я не переставала просить его за всех, кто нуждался в его покровительстве, и не тщетно. Он всегда исполнял мои просьбы. Имея намерение доставить какое-либо удовольствие воспитанницам, он сообщал мне об этом заранее и приводил свою мысль в исполнение лишь по настоятельной моей просьбе, так что за доставленную им радость честь приписывалась мне. Я любила Ивана Ивановича с детскою доверчивостию, как нежного и снисходительного отца, в котором я не подозревала ни единого недостатка и о достоинствах которого мне постоянно твердили. Я бессознательно чувствовала, что он мне подчинялся, но не злоупотребляла этим, предупреждая малейшие желания его. Исполненная уважения к его почтенному возрасту, я не только была стыдлива перед ним, но даже застенчива. Все мы были очень скромны, несмотря на полную свободу, в которой нас воспитывали.

¹¹ В Москве воспитательный дом был создан по проекту И.И. Бецкого в 1763 г., в Петербурге – в 1770 г. Воспитательные дома представляли собой благотворительные закрытые учебно-воспитательные учреждения для «приема и призрения подкидышей и бесприютных детей». Воспитанники дома получали начальное образование, обучались ремеслам.

¹² Два заведения при Смольном монастыре – Воспитательное общество благородных девиц (с 1842 г. – Николаевская половина, или Николаевский институт) и Мещанское отделение (с 1765 г.). Первоначально обучение «мещанок» продолжалось также 12 лет. Императрица Мария Федоровна сократила срок обучения до 6 лет (два трехлетних класса) и с 1814 г. распорядилась принимать в Мещанское училище дочерей военных (до чина подполковника включительно). Позднее сюда стали принимать дочерей полковников и штатских чиновников от титулярного советника до коллежского советника, а также дочерей дворян, внесенных в третью часть дворянской книги, священников, протоиереев, евангелических пасторов. В 1842 г. училище стало называться Александровским (Александровской половиной) в честь наследника-цесаревича Александра Николаевича; с 1891 г. – Александровский институт. Оба института находились на территории Смольного монастыря, имели единое начальство и штат учителей, но размещались в разных зданиях и различались программой и длительностью обучения.

Иван Иванович Бецкой (1704—1795) – видный деятель русского Просвещения, личный секретарь императрицы Екатерины II (1762—1779), президент Императорской Академии искусств (1763—1795), инициатор создания Смольного института и Воспитательного дома. Возглавлял комиссию по каменному строению в Санкт-Петербурге и Москве

Впрочем, теперь не об этом идет речь. Я говорила о привязанности моей к Бецкому; безграничное чувство мое не имело особенной цены: с его стороны были все жертвы, я же лишь поддавалась упоительному чувству, составлявшему мое счастье. Но он мне не внушал такого доверия, как г-жа Лафон: перед нею я изливала свои чувства, а при нем радовалась, не высказываясь. Г-жу Лафон спрашивала я, хорошо или дурно я поступала. Она так умела направить мои мысли, что поведение мое всегда согласовалось с ее советами. Вскоре г-н Бецкий перестал скрывать свои чувства ко мне и во всеуслышание объявил, что я его люби-

мейшее дитя, что он берет меня на свое попечение и торжественно поклялся в этом моей матери, затеплив лампаду перед образом Спасителя. Он перед светом удочерил меня. Три года пролетели как один день, посреди постоянных любезностей, внимания, ласк, нежных забот, которые окончательно околдовали меня. Тогда бы я охотно посвятила ему свою жизнь. Я желала лишь его счастья; любить и быть так всецело любимой казалось мне верхом блаженства. Я ровно ничего не смыслила в денежных расчетах и не обращала внимания на нашептывания о его богатстве; меня пугала мысль о перемене, а между тем пора ее настала, и участь моя должна была решиться.

Г-н Бецкий стал внимательнее, чем когда-либо; ни холод, ни дурная погода не удерживали его – ежедневно являлся он ко мне, под конец даже по два раза на день. Только мной и занимался, беседовал со мной о моей будущности. Видя, что я ничего не понимаю, и что разговор этот мне надоедал, он решился действовать как бы согласно с моим характером и склонностями; на самом же деле он управлял мной по-своему. Стараясь удалить меня от всех, кто пользовался моим доверием, и самому вполне овладеть им, он так ловко устроил, что никто не смел открыть мне его намерений, а они были так ясны, что когда я припоминаю его поведение, то удивляюсь своей глупости. Сначала он попробовал ослепить меня драгоценными подарками; я отказалась от них как излишних для меня. Потом, шутя, при всех спросил меня, что я предпочитаю: быть его женой или дочерью. «Дочерью, – отвечала я, – потому что одинаково могу жить возле вас, и никто не подумает, чтобы я любила вас из интереса, а не ради вас самих; говорят, что вы очень богаты». – «Но у вас ничего нет». – «Да разве мне чего-либо недостает?» Он смеялся до слез, переменял разговор, а я на все это не обращала внимания, как будто дело шло не обо мне.

При выпуске надо меня было одеть; родителей у меня не было, и Бецкий взялся позаботиться о моем гардеробе, приносил мне образчики разных материй и удивлялся, что я выбирала самые простые: и хорошо делала, потому что на другой день свадьбы мужу моему пришлось заплатить за них. Я была так неопытна, что воображала, что мне доставляют лишь должное. Между тем императрица щедро помогала моему экипированию. Назначив меня для встречи будущей супруги наследника на русской границе, она ничего для меня не жалела. Меня всем снабдили на дорогу; к тому же у меня было 100 рублей, которые подарил мне брат Д[митрий]. Не зная цены деньгам, я истратила их в Риге, накупив подарков, которые я послала своим приятельницам. Разлука моя с Бецким огорчила его, но он в этой поездке находил ту выгоду, что, удаляясь от подруг и сближаясь со двором, я нуждалась в его покровительстве. Несчастный старец, душа моя принадлежала тебе; одно слово, и я была бы твоею на всю жизнь. К чему были тонкости интриги в отношении к самому нежному и доверчивому существу?... Тебя одного я любила и без всяких рассуждений вышла бы за тебя замуж. Значит, ты обманывал меня, говоря, что муж мой будет твоим сыном. И точно, он часто говорил со мной о блестящей участи, которую он мне готовил, и требовал от меня одного условия: выбрать того, кто согласится, подчиняясь ему, жить в доме, который он хотел мне подарить. Всякая бы другая заметила, что его поведение не согласовалось с его речами; я же о том догадалась, когда уже было поздно: поведение его сбilo меня совершенно с толку. Покамест он все был ласков и выражал страсть свою, не называя ее. Потом, из ревности, начал удалять от меня даже женщин, меня возлюбивших. Я ничего не скрывала от него и лишь находила его менее любезным, потому что он дурно отзывался о тех, кто меня любил. Я, ничего не подозревая, простодушно на то сердилась.

Видя, что я не знаю света, и что даже подозрение о зле возмущает меня, он всячески старался убедить меня, что все хотят меня обманывать, чтобы тем удалить меня от света. Он не выходил из моей комнаты и, даже когда меня не было дома, ожидал моего возвращения. Просыпаясь, я видела его около себя. Между тем он не объяснялся. Стараясь отвратить меня от замужества с кем-либо другим, он хотел, чтобы я решила выйти за него как

бы по собственному желанию, без всякого принуждения с его стороны. Страсть его дошла до крайних пределов и не была ни для кого тайною, хотя он скрывал ее под видом отцовской нежности. Я и не подозревала этого. В 75 лет он краснел, признаваясь, что жить без меня не может. Ему казалось весьма естественным, чтобы восемнадцатилетняя девушка, не имеющая понятия о любви, отдалась человеку, который пользуется ее расположением. Рассуждал он правильно, но ошибался в способах достигнуть своей цели. Повторяю, будь он откровеннее, я бы охотно сделалась его женою. Между тем многие искали мне нравиться. Из них лишь один, мой покойный муж¹³, обратил на себя мое внимание. Сдержанный, почтительный, он пользовался расположением людей достойных уважения и доверия и желавших мне добра, между которыми был князь Орлов (речь идет о князе Григории Григорьевиче Орлове. – *Прим. ред.*). Он серьезно беседовал со мной об этом и говорил, что императрица довольна бы была этим замужеством.

Г-н Ржевский сделал мне предложение. Я ничего не обещала ему, сказав, что завишу от Ивана Ивановича Бецкого, к которому пусть он и обратится. Он захотел знать, имею ли я к нему расположение и приму ли его предложение. Я отвечала, что не иначе как с согласия того, кто заменяет мне отца, а что без его одобрения я не отдам никому ни руки, ни сердца.

Я поспешила рассказать Ивану Ивановичу обо всем случившемся. К моему величайшему удивлению, этот человек, обыкновенно столь кроткий и стоворчивый, разгневался и пришел в отчаяние. Я растерялась, вообразив, что сделала большую неловкость; но хотела, однако, узнать, в чем именно. Успокоившись, он объяснил мне свою вспышку тем, что я огорчила его, необдуманно связав себя тем, что дала слово человеку, которого не знаю. При этом он мрачными красками описал, как меня поддели, употребив во зло имя императрицы, и наконец сказал, что умрет с горя, если я буду несчастна. Всего этого достаточно было, чтобы внушить мне отвращение от всякого замужества. Я уверила его, что вовсе не стою за эту партию, совершенно от нее отказываюсь и подчиняюсь его воле во всем, что касается моей судьбы. Успокоенный сверх ожиданий, он старался всячески изгладить сделанное на меня неприятное впечатление, оправдывал свою вспышку самою чувствительною нежностью ко мне, на коленях просил у меня прощения, предлагая мне требовать от него всевозможных жертв. Я стала просить за дочь г-жи Лафон; тотчас же он позволил мне объявить ей, что назначает ей 40000 руб. Эта была счастливейшая минута моей жизни. (Слова своего он не сдержал под предлогом, будто бы поставил мне в условие не выходить замуж. Однако он мне не осмелился предложить оного.) С этой поры начались неприятности. Он меня опутывал интригами, причинял мне горести и заботы, внушал мне неразумные поступки, сам держась в стороне, и все это с целью лишить меня покровительства августейших особ, которые облачали его хитрости. Он все это делал не для того, чтобы меня губить, а чтобы заставить с отчаяния выйти за него замуж. Желая вооружить меня против разных лиц, он выдумывал на них небылицы и раздражал меня до того, что я готова была забыться перед ними. Он едва не одурачил меня. Но невидимая рука указывала мне правый путь в этом лабиринте интриг, и я выпуталась из сетей, расставленных перед моей невинностью и чистосердечием. Бог сохранил меня невредимою. Это отнесли к моей чести, я же убеждена была, что спасло меня Провидение. Книги не достанет, чтобы описать все западни, которые расставлял для меня человек, долгом которого было охранять мою молодость. Но страсть не рассуждает. Если

¹³ Имеется в виду Алексей Андреевич Ржевский (1737–1804) – по словам Бартенева, «один из образованнейших людей того века». Депутат Уложенной комиссии 1777 г., исполняющий обязанности директора Академии наук (1772), президент Медицинской коллегии (с 1783 г.), сенатор; под конец жизни имел чин действительного тайного советника. Видный масон; известный в свое время литератор: в 1760–1763 гг. участвовал в журналах М.М. Хераскова «Полезное увеселение» и «Свободные часы», переводил статьи из «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Д’Аламбера, был автором трагедии «Смердий и Прелеста», многих стихотворений.

никто не любил меня более Ивана Ивановича, зато никто не сделал мне столько зла, как он. Господь заботился о моей участи.

Разберем обстоятельства, сделавшие невозможным примирение, между тем как спору не должно было и существовать. Я более не думала о предложении Ржевского. Иван Иванович принял его прекрасно, разыграв как нельзя лучше роль нежного отца. Он составил план своего поведения и непременно достиг бы своих целей, если бы не случилось происшествия, расстроившего его намерения. Во-первых, в разговоре с г-ном Ржевским он уверил его, что препятствия были с моей стороны, что я противилась его желанию выдать меня замуж, увещевал его быть терпеливым, обещая действовать в его пользу. К несчастью, он напал на человека, который был хитрее его. Между тем как он по-своему учил меня, князь Орлов старался разъяснить мне, в чем дело; но меня так приучили быть недоверчивой, что нельзя было подорвать влияния Ивана Ивановича. Орлов не щадил его в моих глазах, а меня сердило, что подвергали сомнению чистоту его намерений. С своей стороны Иван Иванович сообщал мне невыгодные отзывы о моем женихе. Между тем явился новый претендент, граф Брюль, которому покровительствовал великий князь (Павел Петрович (1754–1801), император Павел I с 1796 г. – *Прим. ред.*). Он был приятный молодой человек; я видала его в Смольном, при дворе, у графини Салтыковой, где мы вместе занимались музыкой. Он пел и играл на мандолине. Этого человека я могла бы сердечно любить, не будь я предупреждена, что девушка должна беречь свое сердце для человека, который за нее посватается. Я не могла понять намерений графа, приписывая его внимание ко мне обыкновенной светской любезности, которою я была окружена. Распускали слухи о скорой его тайной женитьбе на одной из бывших воспитанниц Смольного. Я верила этим слухам, не смея вдумываться в слышанное, тем менее расспрашивать его самого. Обратись он с предложением прямо ко мне, дело бы вышло иначе; но мне не разъяснили его чувств, а вмешательство великого князя, вследствие некоторых обстоятельств, казалось мне подозрительным. Видя, что борьба ему не под силу, Иван Иванович выдумал хитрость, вследствие которой я почувствовала отвращение к ухаживанию графа и к участию великого князя. Он представил мне дерзость их намерений. Я пришла в негодование, отказала наотрез и не велела мне поминать об этом. Великий князь, заметивший мое расположение к графу, которого он очень любил, весьма удивлен был моим отказом, причиной которого я выставляла слухи о скорой женитьбе графа; но, так как это были лишь сплетни, великий князь не терял надежды победить мое упрямство и всеми силами старался об этом. Настойчивость его еще более убеждала меня в истине всего слышанного о нем. Иван Иванович решился во что бы то ни стало прекратить эти преследования. Призвав на помощь всю свою хитрость, он стал уверять меня, что его обманули в отзывах о Ржевском, что, собрав более точные сведения, он нашел эту партию выгодною, и что мне следует дать свое согласие, но никому не говорить об этом, кроме императрицы. Как сказано, так и сделано. Великий князь не унывал. Он открыто противился этому замужеству, дружески советовал мне иметь доверие к нему в том, что касается моего счастья, и говорил, что придет время, и он докажет мне искренность своих слов, обогатив человека, который пока не имеет состояния. Я была непоколебима в своем отказе и, признаюсь, вопреки своей склонности. Иван Иванович над всем восторжествовал. Надо знать, что делал он в это время. Отвлекая меня от человека, которого я бы охотно избрала, он запутывал меня в новые сети. Ему нельзя было унижать передо мной того, кого он только что восстановил в моем уважении, и потому он стал стараться возбуждать в нем виновность и ревность ко мне, заставлял его играть самую глупую роль, поощряя мои невинные ласки в его присутствии. Он выходил из терпения и готов был отказаться, если я не освобожу его от данного им обещания жить в одном доме с Бецким. Мне было тяжело огорчить старика, которому я считала себя обязанною посвятить всю жизнь. Я слегка противилась, а между тем серьезно размышляла о последствиях разрыва с Ржевским и о далеко не приятной зависимости от Ивана Ивано-

вича, которая удерживала меня при дворе, откуда я рвалась. Иван Иванович не терял меня из виду и едва не достиг своей цели. Но мне на помощь явился князь Орлов, который начал следить за каждым шагом Бецкого и открыл мне все его происки. Заслужив мое доверие, он добился того, что я решилась вперед слепо не поддаваться человеку, искавшему ввести меня в заблуждение. С помощью двоюродной сестры князя Орлова (Имеется в виду Анна Степановна Протасова (1745–1826), камер-фрейлина, кавалерственная дама, с 1801 г. графиня. — *Прим. ред.*), жившей при дворе, я ближе познакомилась с Ржевским и понемногу привязалась к нему. Этого не ожидали. Я стала тверда и последовательна в своих действиях. Тогда Бецкий стал еще деятельнее и решился ввести меня в немилость при дворе великой княгини, выставив меня неблагодарною пред императрицей и пред женихом двуличною, а их всех представил мне несправедливыми и достойными презрения. Я терпеть не могла придворную жизнь, желала распротиться с нею и выйти за Ржевского. Все это происходило весной перед отъездом в Царское Село, где Ржевский, с моего согласия, нашел помещение для себя, чтобы видаться со мной ежедневно. Императрица открыто покровительствовала моей свадьбе, хотя посредством преследований Бецкий вынуждал меня скрывать мое намерение и даже отложить свадьбу на два года. Будучи не в состоянии расстроить дело, он надеялся на время и на могущество интриги. И точно, в тот день, когда я укладывалась в дорогу, а Бецкий расхаживал взад и вперед, за мной прислала великая княгиня. Она встретила меня в слезах и объявила мне, что императрица приказала мне остаться в городе. Я просила великого князя постараться об отмене этого приказа. Он два раза ходил к императрице и объявил нам, что тут кроется какая-то тайна. Императрица не хотела высказаться, а лишь сказала ему, что не желает стеснять меня и, согласно моему желанию, позволяет мне подышать на свободе и отдохнуть от ревности его жены; прибавил, что напрасно я настаиваю, что он ничему этому не верит, зная мою правдивость и неспособность сочинить непростительную ложь. Великая княгиня сильно вспылила, я рассердилась и внезапно ушла. Бецкий ждал меня, все устроив по-своему. Он уверил меня, что сейчас вернулся от императрицы, которая сказала ему, что, по настоятельной просьбе великой княгини, оставляет меня в городе без ведома ее мужа, чтобы удалить меня от него. Мне рассказ показался правдоподобным. Императрица, желая семейного согласия, могла потакать капризам невестки. Но последней я не могла простить ее поведения в отношении ко мне, в случае, в котором она одна была виновата. Я не сдержала своего негодования. Вместо того чтобы успокоить меня, Бецкий приходил в ярость, говоря, что эта немилость окончательно испортит мою репутацию, о которой и без того ходят невыгодные слухи. Я клялась, что не хочу более оставаться при дворе, где служу яблоком раздора. Этого он только и ждал. Сейчас представил он мне самые привлекательные картины жизни посреди дружбы, под отцовским кровом; хотел тотчас же перевести свой дом на мое имя, окружить всеми лицами, к которым я была привязана в Смольном, выписать оркестр из Германии, инструменты из Англии, дать мне способ усовершенствоваться в музыке и живописи, задавать балы, играть комедии и т. д. Горесть моя сменилась радостью; я поддалась уму и благосклонности моего защитника. Ему необходимо было поддерживать во мне это настроение, поспешить исполнением своих намерений. Все бы было потеряно, если бы кто-либо открыл мне истину. Он не дал мне даже проститься с Их Императорскими Высочествами и повез меня обедать к г-же Лафон. Ей он насказал, что хотел, и расположил в свою пользу, так что, обманутая подобно мне, она убеждала меня следовать впредь лишь советам Ивана Ивановича. Мне не пришлось побыть с нею наедине; я лишь заметила, что она была чем-то стеснена и беспокойна: будучи подвластна Бецкому, она считала себя обязанною во всем помогать ему; но грусть проглядывала на ее лице. Привыкши угадывать ее мысли, я поняла, что мне грозит опасность. Я была грустна и задумчива весь вечер, проведенный у Ивана Ивановича. Мне хотелось повидаться с женихом; послали пригласить его на следующий день, но он отказался под предлогом нездоровья. Тогда его начали бранить, представили его

низким, подлым куртизаном (льстивым царедворцам. – *Прим. ред.*), которого влекла ко мне лишь выгода, и который покидал меня при кажущейся немилости. Я стала его защищать: такие неосновательные обвинения не согласовались с чистотой моего сердца и возвышенностью чувств; я с презрением отвергала их. Г-жа Рибас¹⁴ – фурия, дьявол воплощенный, заклятый враг, отравила мое чистосердечие. Ядовито отзывалась она о дворе, о всем человечестве, о глупой слепоте моей в отношении ко злу. Я попала точно в ад, и впервые зло показалось мне возможным. Я считала ее самым злейшим существом, и в ее-то обществе мне пришлось бы провести всю жизнь. Я испытывала дотоле неведомую мне грусть, которой я вовсе не скрывала, и, не стесняясь, упрекала ее. По-видимому, она, стараясь помочь Бецкому, перешла границы. У нее были собственные планы: для нее необходимо было внушить мне отвращение к дому, в котором она была хозяйкою. Бецкий, испугавшись впечатления, сделанного на меня ее речами, присоединился ко мне, осыпая ее упреками. Чтобы развлечь меня, он повез меня кататься, и, как нарочно, мы встретили Ржевского, который сказывался больным. Старик подхватил этот случай и начал мне доказывать, что Рибас отчасти права, и в свою очередь описывал Ржевского самыми черными красками.

Грусть овладела мной, но гордость оживила мою потрясенную душу. Проезжая мимо Ржевского, я заметила знак радости, обещавший мне разъяснение всего. Возвратясь во дворец в сопровождении сестры, я получила через горничную записку от Ржевского, который просил у меня свидания втайне от старика, имея сообщить мне нечто весьма важное. И точно, в присутствии сестры моей он разоблачил передо мной тайны, которыми меня окружали, чтобы поставить непреодолимые преграды между нами. Он признался, что сам был обманут, подозревая, что я изменила ему, и всячески старался добиться истины; передал мне, что императрица сказала князю Орлову, что Бецкий весь день не давал ей покою, от моего имени прося ее оставить меня в городе для приготовления приданого. С моей стороны я рассказала ему, как произошло все вышеописанное. Все разъяснилось, и объяснение это привело к желанной развязке.

¹⁴ Рибас Анастасия Ивановна де (в девичестве Соколова; 1741–1822), камер-юнгфера Екатерины II (по некоторым сведениям, сопровождала Екатерину 28 июня 1862 г., в день ее восшествия на престол, из Петергофа в Петербург); с 1776 г. жена Иосифа де Рибаса (1749–1800), адмирала русской службы, известного своей ролью в основании Одессы (в его честь была названа Дерибасовская улица).

Алексей Андреевич Ржевский (1737—1804) — действительный тайный советник, сенатор, вицедиректор Петербургской Академии Наук, президент Медицинской Коллегии, масон; поэт.

Г. Державин посвятил супругам Ржевским одну из своих од — «Счастливое семейство»:

*В дому его нет ссор, разврата,
Но мир, покой и тишина:
Как маслина плодом богата
Красой и нравами жена (...)*

*Как розы, кисти винограда
Румянцем веселят своим,
Его благословенны чада
Так милы вокруг трапезы с ним.*

Будучи уверена в чувствах Ржевского, я все простила Ивану Ивановичу и, чтобы не сконфузить его окончательно, скрыла от него, как известны мне были все его проделки. Он же до конца продолжал свои интриги; но, совершенно проиграв дело, так как хитрость его была обнаружена, он должен был охотно согласиться на наш брак. Из уважения я подчинялась его власти. Как отец, он необходим был для моего счастья, единственное же его желание было сделаться моим мужем. Я начала примирением с великой княгиней, которая считала себя обиженной моим обращением с нею при таких обстоятельствах, в которых она не была нисколько виновата. Я написала ей без ведома своего опекуна. Мы объяснились, и прошлое было забыто. Я вернулась ко двору, где все принимали живое участие в моем замужестве. Все нас восхваляли, порицая моего гонителя и уговаривая меня скорее окончить дело, чтобы избавиться новых преследований. Императрица ожидала лишь моего решения, готовая нас благословить; но я в этом случае не хотела обойти старика, заменявшего мне отца, желая получить высочайшее разрешение по его ходатайству. Он совсем потерялся и полагал, что, отсрочивая доложить об этом императрице, он в состоянии будет расстроить дело. Он употребил все свое влияние на меня: соблазнительные обещания, горесть его и отчаяние, которого я не могла выносить. Ласки его сменялись угрозами. Наконец он заставил г-жу Лафон написать письмо, исполненное упреков, в котором она мне доказывала, что я буду самая неблагодарная девушка, если откажусь выйти за Бецкого. Напрасно уверяла я Ивана Ивановича, что все это ни к чему не ведет, что я люблю Ржевского. Он по-своему объяснял вещи, полагая, что я должна отказать Ржевскому, потому что я привязалась к нему лишь вследствие его собственных стараний об этом, и что он мог требовать от меня изменения решения моего. Легко было опровергнуть эти софизмы, тем более, что я вследствие им же данных уроков привыкла думать и рассуждать. Он приставал ко мне и мучил меня с утра до вечера. Его проделки лишь ускорили развязку дела. Я устала от страдания и объявила, что, ежели он будет продолжать мучить меня, я обойдусь и без его вмешательства в деле, в котором он играет роль вследствие моей же собственной воли. Ему пришлось покончить. Тогда он вывел на сцену давно забытое условие, а именно: обещание поселиться у него в доме, которое прежде пугало Ржевского, и на которое он рассчитывал, чтобы расстроить свадьбу. Он унижался до мольбы передо мной, представляя необходимым для нашей репутации, чтобы мы хотя на несколько месяцев поселились в доме, который он устроил для нас. Я окончательно уговорила Ржевского согласиться. Тогда интриги прекратились, но Иван Иванович все-таки надеялся поколебать мою решимость и добиться моей руки с помощью своего настойчивого постоянства. Перед алтарем, будучи посаженным отцом, он представлял мне примеры замужеств, расходившихся во время самого обряда венчания, и подстрекал меня поступить таким же образом. Замужество мое положило конец всем спорам. С дочернею нежностью старалась я утешить Ивана Ивановича, но усилия мои были бесполезны: дружба не могла удовлетворить его страсти. Мое положение становилось невыносимым посреди любви мужа и дружбы Ивана Ивановича. Оба они считали себя обиженными мною и мучили меня. Удовлетворить их притязаниям не было возможности; надо было дать предпочтение одному из них. Бецкий старался поссорить меня с мужем, по-прежнему возбуждая его ревность и уверяя его, что он не может рассчитывать на исключительную привязанность ребенка, который ему, старику, изменил бессовестно. Мне он представлял ожидающее меня несчастье – жить с мужем при его подозрительном и вспыльчивом характере. Когда я упрекала его за все, что он наставлял обо мне мужу моему, он начинал ругать его, говоря, что он обращает в мрач-

ную сторону его речи, убеждал меня не доверять человеку, неспособному оценить меня и который во зло употребил мое доверие. В поведении Ивана Ивановича я ясно видела намерение посорить меня с мужем, отталкивая его от меня оскорблениями, и нежностью и обещаниями богатства завладеть мною. Он искал случая захватить меня в свои руки, не забываясь добиться на то моего согласия. Я вовремя остановила его. Доказав ему громадность его вины, предложив все способы примирения, я объявила ему, что я и муж более не должны оставаться в его доме; говорила, что от этого зависит его собственное спокойствие, и обещала во всю жизнь мою доказывать ему мою привязанность. Он и слышать не хотел об этом и, видя, что все настояния бесполезны, поклялся отомстить мне. На другой день я уехала. Он заболел, и г-жа Рибас распустила слух, что я убила его. С этого времени я навещала его, когда он этого желал, а его влекло ко мне неугасавшее чувство. Сначала он попробовал очернить меня в общественном мнении с помощью г-жи Рибас, а также и в глазах императрицы, но поведение мое противоречило его словам. Впоследствии, поуспокоившись, он желал примириться со мною, но аргус (в древнегреческой мифологии многоглазый великан, у которого спали одновременно только два глаза, символ неусыпного наблюдения. – *Прим. ред.*) его противился этому. Он жаловался мне на обхождение с ним г-жи Рибас, тайно посылал ко мне своего доверенного камердинера, умоляя о помощи и прося оградить его от преследований г-жи Р[ибас], которую он уже не в силах был унять. Я приезжала и находила дверь запертою для меня: его уверяли, что меня нет в Петербурге. В эту пору он ослеп и почти терял рассудок. Прежде он мне говорил о своих распоряжениях, которые желал привести в исполнение перед смертью, но его заставили изменить их. Это меня ничуть не заботило, но мне больно было видеть его в зависимости от самого неблагодарного создания, между тем как я не могла за ним ухаживать. Даже в последние дни его жизни меня не было при нем.

И.И. Бецкий мог мне сделать много добра, а между тем, имея самые благие намерения, он принес мне много вреда. Никто в мире не любил меня так сильно и с таким постоянством. Он мог сделаться моим мужем, служить мне отцом, благодетелем; но, по собственной вине не достигнув своих целей, он стал играть роль моего преследователя. Будучи предметом моей первой привязанности, он мог легко жениться на мне, без огласки, послужившей лишь к его стыду. Можно отчасти извинить скрытность и лукавство в свете, потому что они необходимы для преодоления встречаемых препятствий к достижению цели. Честолюбие и другие страсти, нуждаясь в некоторого рода оправдании, скрываются под благовидными предлогами; но чувства сердечные не имеют надобности в притворстве. Оба мы были свободны; отчета нам некому было отдавать; я была покорна и привязана к нему, он мог прямым путем достигнуть цели. К чему было стараться уверить свет, что страсть была с моей стороны, а он женится на мне из желания осчастливить меня? Вот чего он добивался и почему принужден был прибегать к хитрости.

Об отношениях моих ко двору

При дворе и речи не бывает о глубоких и прочных чувствах; тут все поверхностно и подчиняется условным законам, которые беспрестанно изменяются; тут за свои личные качества столько же можно отвечать, сколько за царскую милость и за отличия, ею доставляемые.

Я говорила, с каким отвращением поступила я ко двору; расскажу теперь, как тяжело мне было пробыть при нем около года. Потому странными могут показаться сношения мои со двором, продолжавшиеся 26 лет и прекращенные вследствие немилости, ничем не заслуженной. Рассмотрим обстоятельства дела, лично меня касавшегося, но о котором до сих пор мне не пришлось серьезно подумать; зато праздные умы находили в нем пищу. Пора и мне поговорить об этом и доказать, что не все то золото, что блестит.

Не все тщеславны, суетны и низкопоклонны. Я имею счастье принадлежать к исключениям этого рода. Имея некоторую гордость душевную, я не поддавалась превратностям судьбы и посреди рабства сохраняла независимость, хотя и носила цепи, им налагаемые, но только до тех пор, пока положение это могло быть полезно детям моим; когда же они перестали в нем нуждаться, я покинула двор.

Посмотрим, насколько каждый способен быть судьей в своем деле; буду рассуждать по-своему. У меня всегда был свой образ мыслей, хотя я не отвергала чужого мнения, когда признавала его разумнее своего. Выскажу всю правду. Пожалуй, рассказ мой покажется длинным, но все же может принести пользу неопытному.

Скажу лишь несколько слов об императрице Екатерине II. Она была великодушна и добра. В моем детстве она облагодетельствовала меня, дав мне прекрасное образование. Впоследствии она заботилась о моей судьбе, взяла меня ко двору¹⁵, где защищала от интриг, которыми я была окружена. Обращение ее со мной было дружески-ласковое и внушающее почтение. Как нежная и снисходительная мать, она поощряла меня в развитии моих способностей, выставляла мое чистосердечие и ту долю природного ума, которым наградила меня природа, помогая мне и поддерживая меня в весьма трудном моем положении. Со времени моего замужества ей старались представить подозрительными мои сношения со двором великой княгини, но она не обращала на это внимания и при всяком удобном случае выражала мне свое благоволение. Вообще, трудно перечислить, сколько я ей обязана. Всею моею любовью и почтением не могу я заплатить за ее благодеяния.

Хочу рассказать одно обстоятельство, случившееся задолго до всего рассказанного; оно доказывает, что нельзя миновать своей участи.

Еще в бытность мою в Смольном Наталья Алексеевна, первая супруга великого князя, очень полюбила меня и всячески доказывала мне свою дружбу. По два и по три раза в неделю приезжала она в монастырь и проводила со мной по несколько часов. Мы разговаривали и занимались музыкой. Она обещала взять меня к себе по окончании курса в качестве друга, выпросив согласие у императрицы. Когда я была нездорова, она навещала меня. В последнее время своей беременности, будучи не в состоянии приехать в монастырь, она прислала ко мне графа Разумовского¹⁶, которому поручила передать все цветы и конфеты в доказательство, что она не забывает обо мне. Незадолго перед смертью, лежа в постели, она написала мне записку и прислала записку с графом Разумовским по случаю раздачи наград перед нашим выпуском из Смольного¹⁷. К несчастью, я затеряла эту записку, но у меня хранится письмо ее, писанное из Москвы и переданное мне братом ее принцем Дармштадтским¹⁸. Мне более не суждено было увидеть ее, но место, которое она мне назначила, заняла я при той, которая заменила ее. Великий князь, обожавший ее, разделял ее предпочтение ко мне. С этой поры началось расположение его ко мне, бывшее причиной стольких неприятностей. Она была очень умна, любезна, приятна, вот все, что я могу сказать о ней. Я любила ее, жалела о ней и искренно оплакивала ее кончину.

Вскоре великий князь уехал в Берлин, чтобы увидеть принцессу, которую ему назначили в супруги (речь идет о принцессе Софии-Доротее-Августе Виртембергской (1759–

¹⁵ Из смолянок первого выпуска ко двору были взяты пять человек: Г.И. Алымова-Ржевская, Е.И. Молчанова (1758–1809), А.П. Левшина (1757–1782), Н.С. Борщова (1758–1843) и Е.И. Нелидова (1758–1839). В 1772–1776 гг. Д.Г. Левицкий выполнил для Екатерины II их портреты (ныне в Русском музее).

¹⁶ Разумовский Андрей Кириллович (1752–1836) – граф, известный дипломат, фаворит великой княгини Натальи Алексеевны.

¹⁷ 15 апреля 1776 г. великая княгиня Наталья Алексеевна умерла от родов, поэтому торжества первого выпуска в Смольном были значительно скромнее, чем первоначально предполагалось. Их перенесли с 21 апреля на 30-е, и императрица Екатерина II на празднике не присутствовала (см.: Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. СПб., 1914. Т. I. С. 174).

¹⁸ Брат Натальи Алексеевны – принц Людвиг Гессен-Дармштадтский (1753–1830).

1828), в православном крещении Марии Федоровне, второй жене (с сентября 1776 г.) великого князя Павла Петровича. – *Прим. ред.*). Получив ее согласие, поспешили послать к ней навстречу лиц, назначенных для ее придворного штата, в числе которых была я. Мы встретились с великим князем за Митавою. Это было мое первое свидание с ним после его горестной потери. Я не могла удержать слез; он был тронут, хвалил мне свою невесту, был любезен и уехал. В Мемеле представили нас будущей великой княгине. Меня поразили ее красота, молодость и простота в обращении. Когда дошла до меня очередь, она, с улыбкой обращаясь ко мне, сказала, что великий князь особенно хвалил меня. Всю дорогу она оказывала мне предпочтение; как казалось, она была предубеждена против супруги фельдмаршала Румянцева¹⁹ и почти не обращала на нее внимания. По приезде в Петербург и до самой свадьбы происходили представления ко двору, давались праздники, балы, и мне почти не приходилось видеть великую княгиню наедине. Это было самое приятное время в моей придворной жизни. Впоследствии меня назначили компаньонкой к великой княгине: я должна была читать ей вслух, присутствовать при уроках, которые она брала, сопровождать ее всюду, ко двору императрицы, в концерты, на балы, в собрания, в церковь, на прогулки и т. д. У меня не было свободной минуты. Я отдыхала только во время своего туалета или в те дни, когда под предлогом нездоровья обедала у себя в комнате или оставалась дома, чтобы только избавиться от докучливых выездов.

Одно время великая княгиня была расположена ко мне, но это продолжалось недолго. Она постепенно стала охладевать, стала сдержанна, потом начала холодно обращаться со мной. К великому удивлению моему, я узнала, что ревность была причиной этой перемены. Мне твердили это со всех сторон. Но я знала, что не за что было упрекнуть меня, что, напротив, любезность моя доходила до того, что я жертвовала свободными минутами, стесняя себя, и потому нетерпеливо выносила нападки великой княгини. Когда же мне объяснили, в чем дело, неудовольствие мое сменилось состраданием; я стала к ней еще внимательнее и разуверила ее на мой счет, но к мужу она оставалась по-прежнему недоверчивою, передавала мне свои горести, сомнения, и мне редко удавалось успокоить ее. Сначала она необдуманно поддавалась обидным для меня подозрениям, жаловалась первому встречному и обращала общее внимание на мое поведение, которое объясняла по-своему. Но все это послужило в мою пользу, выказав мою невинность... Видно, что она мало заслуживала мою любовь, но по свойственной мне чувствительности я извиняла ее заблуждения и оказывала ей более уважения и признательности, нежели мужу ее, которого я имела основание любить и уважать. Всегда любезный и почтительный, он старался самую нежную внимательностью вознаградить меня за неприятности, которые мне приходилось переносить из-за него. Чтобы не подтвердить ложных слухов, он не изменял своего обращения со мною. На него обижались, а он в присутствии жены и всех вообще только мною и занимался и был любезен донельзя. Когда я его предостерегала, он отвечал, что ему надоели все сплетни, что он знать их не хочет, и по-прежнему был ко мне внимателен. Это продолжалось до моего замужества. Я надеялась, что свадьба моя положит конец этому ухаживанию. Ничуть не бывало: оно еще усилилось. Великая княгиня присоединилась к мужу; оба упрашивали меня принять участие во всех их удовольствиях. Между нами завязалась дружба, продолжавшаяся десять лет. Мне нужно было съездить в Москву. Во время моего отсутствия великий князь привязался к Нелидовой²⁰. Но прежде чем говорить об этом, посмотрим, что могло быть для меня при-

¹⁹ Румянцева Екатерина Михайловна (урожд. княжна Голицына; 1724–1779) – графиня, статс-дама, гофмейстерина двора великого князя Павла; жена генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского.

²⁰ Нелидова Екатерина Ивановна (1758–1839) – смолянка первого выпуска, была награждена малой золотой медалью и шифром и взята фрейлиной к великой княгине Наталье Алексеевне. Затем стала фрейлиной Марии Федоровны. Фаворитка Павла I в 1785–1798 гг. Последние годы жизни провела в стенах Смольного института, где занимала неофициальное положение дамы-патронессы. Как вспоминала смолянка В.И. Анненкова, «личность эта страстно интриговала воспитан-

влекательного в дружбе, отнимавшей у меня время, которое я могла бы проводить в семейном кругу, и имевшей в глазах света вид необыкновенной милости. Великий князь искренно любил меня и старался быть полезным всем моим близким. Доверие его было безгранично, равно и постоянство в дружбе. Он смотрел на нас с мужем как на своих верных друзей. Сознывая, что мы жертвовали своими выгодами ради его, он был вполне благодарен.

Великая княгиня старалась превзойти мужа в любезности к нам, но, так как она действовала неискренно, у не выходили противоречия на каждом шагу. Ревность в ней боролась с уважением, которого я заслуживала. Своим обхождением она даже теряла право на благодарность с моей стороны... На то, что Их Высочества езжали к нам, смотрели недоброжелательно. Живя весьма скромно, мы не могли доставить им ни малейшего развлечения. Имея возможность постоянно видеть нас у себя, они непременно хотели бывать у нас в доме: приезжали то завтракать, то обедать. Все это возбуждало толки. Дружба наша была самого невинного свойства. Между тем милость эта обходилась мне весьма дорого, причиняя мне много неприятностей. До сих пор великая княгиня действовала лишь из подражания мужу. Но великий князь не упускал случая доказать нам свое уважение. Не любя шумных удовольствий, он искал общества близких ему людей и в беседе с ними был откровенен и доверчив. Я замечала в нем лишь хорошие свойства: чистоту намерений, прямоту, благородство души, великодушие, весьма приятный ум и особенную способность убеждать людей. Когда он хотел нравиться, нельзя было противиться его обаянию. Его некрасивая наружность и резкие манеры в обществе становились неприметными в дружеском кругу. В эту пору он был хорошим мужем, сыном и отцом. Необходимо было окружать его честными людьми; он легко поддавался влиянию лиц, искавших его доверия, и следовал их советам. Будучи доверчив по природе, он стал подозрительным вследствие обманов, которым подвергался. Что касается до меня, я всегда говорила ему правду. Он так привык верить мне, что, даже когда был мной недоволен, не переставал оказывать мне уважение. Не хвастаясь, могу сказать, что я удерживала его в пределах долга в отношении к его супруге, восхваляя ее достоинства. Не так действовала Нелидова, когда она попала в милость.

По возвращении моем из Москвы, где я провела два года, я нашла большие перемены в образе жизни Их Императорских Высочеств. Они принимали только особ, составляющих их придворный штат. Великая княгиня тотчас приехала ко мне, но одна. Великого князя я встретила на бале; он обрадовался моему возвращению, упрекал за то, что я по-прежнему не навещаю их, был любезен во весь вечер и только со мною танцевал. Он говорил мне о своих домашних неприятностях, причиной которых была г-жа Бенкендорф²¹, любимица его жены. Великая княгиня и ее наперсницы пришли в негодование и всячески старались выказать свое неудовольствие. Г-жа Бенкендорф начала осуждать мой наряд, который находила слишком небрежным. Я объясняла ей, что я только что с дороги, что вещи мои еще не получены и потому я всячески отговаривалась от бала. Она отошла, надувшись, и мне самой было неловко. Великий князь издали наблюдал за нами; лишь только она ушла, он подошел ко мне, пригласил меня на польский и настойчиво добивался узнать причину моего неудовольствия. Я сказала, что мне неловко быть в шляпе, когда все в нарядных чепцах, и

ниц своею таинственной загадочностью и почетом, которым окружали ее институтское начальство и вся царская фамилия. Словно теперь вижу я, как крадется вдоль стен во время наших экзаменов странное маленькое существо в сером платье, пробираясь к месту позади начальницы, и как нам было жутко, когда она останавливала на которой-нибудь из нас пристальный взгляд своих больших серьезных черных глаз. <...> Все были почему-то убеждены, что она ужасно горда, считает себя выше всех и, никого к себе не приближая, никого ни о чем не расспрашивая, все знает, и что от ее проницательности ничто не может укрыться» (Люди былого времени. Из рассказов В.И. Анненковой и др. старожилов // Рус. архив. 1906. № 1. С. 111–112). О Е.И. Нелидовой см.: Шумигорский Е.С. Е.И. Нелидова. СПб., 1898.

²¹ Бенкендорф Анна Юлиана (урожд. баронесса Шиллинг фон Канштадт; 1758–1797) – подруга детства великой княгини Марии Федоровны, вместе с которой приехала в Россию. Мать графа А.Х. Бенкендорфа, шефа жандармов и начальника III отделения в 1826–1844 гг.

хотела удалиться; но он не пустил меня, говоря, что я прекрасно одета, и что все завидуют моей красоте, в простом наряде в английском вкусе. Во весь вечер он не отходил от меня и прислуживал мне за ужином. С великою княгиней мне не было времени поздороваться. А великий князь приглашал одну меня, давая понять, что без меня не явится на праздник. Когда я ему заметила, что оказываемое мне предпочтение могут истолковать в дурную сторону, увеселения вдруг прекратились, и Их Императорские Высочества начали жить уединенно. До меня дошли слухи о частых размолвках, происходивших в их домашней жизни. Причиной этого была г-жа Нелидова, овладевшая умом великого князя. Весьма умная, она была отвратительно нехороша собою. Великий князь прежде не мог ее терпеть, считал ее страшно злою, и мне не раз приходилось защищать ее. Живя вдалеке от Двора, я не хотела верить этим сплетням. Мой заклятый враг г-жа Бенкендорф (у которой я не бывала, и которая не ездила ко мне) подтвердила мне верность всего слышанного мной. Она явилась ко мне с поручением передать мне обо всем, завербовать меня в приверженницы великой княгини и заставить противодействовать ее врагам. Я неспособна была к интригам и со свойственной мне прямою искренно пожалела о великой княгине, обещая быть ей преданнее, чем когда-либо. Любя великого князя, я сначала не хотела мешаться в это дело. Однако я поговорила откровенно с г-жой Нелидовой, высказав ей свой образ мыслей. Она нисколько не рассердилась на меня, а великий князь, с которым я встречалась лишь в обществе, продолжал оказывать мне величайшее внимание. Великая княгиня начала хвалить меня, сравнивая мое поведение с поведением Нелидовой. Восхваляя мою добродетель, она думала заслужить расположение мужа, но этим лишь восстановила его против себя, окончательно повредив мне без моего ведома. Во время моих последних родов она у меня назначала свидания г-же Бенкендорф, которую великий князь выслал из города, о чем я и не знала. Это дошло до сведения великого князя, и с этих пор он не переставал сердиться на меня. Однако, сделавшись императором, он не мстил мне, а ограничился лишь тем, что более не оказывал мне милости; но при всяком удобном случае выражал свое выгодное мнение о моем характере и изъявлял свое уважение ко мне. Со времени вступления его на престол мы стали реже видаться. Супруга его сделала фрейлиною дочь мою (дочь Ржевской – Мария Алексеевна, в замужестве Свистунова (? – 1866). – *Прим. ред.*) и пожаловала мне малый орден Св. Екатерины²². В обществе она отличала меня, в частной же жизни стала неприступною; а я, с своей стороны, не заискивала ее расположения.

Не желая уронить своего достоинства, я держалась в стороне. Возвращаясь с аудиенции, я встретила знаменитого Кутайсова²³. Он радостно схватил мои руки, говоря: «Я надеюсь, что мы заживем по-прежнему». – «Как бы не так», – думала я про себя.

Так произошло наше первое свидание. Но надо отдать справедливость великой княгине. Сделавшись императрицей, она не только оказывала мне свое расположение, но и ходатайствовала перед супругом своим за мужа моего и за детей. Видно было ее желание вознаградить меня за все, что приходилось мне терпеть до той поры. Несмотря на это, она полагала нужным для сохранения достоинства своего высокого сана принимать меня стоя. Во все царствование она одинакова была в отношении ко мне. Но сама она не была счастлива. Каждый раз, когда она выражала мне свое расположение, император сердился. А когда он занимался мною, и императрица хотела принять участие в нашей беседе, он поворачивался и уходил.

²² Знаком ордена Св. Екатерины был белый эмалевый медальон с изображением Св. Екатерины, в крестообразной оправе из бриллиантов. Орден носился на красной ленте с серебряной каймой. Он имел две степени: малый и большой крест. Малый крест носили на левой стороне груди на банте из орденской ленты с вышитым девизом «За любовь и отечество». Число кавалерственных дам малого креста не могло быть более 94, большого – более 12.

²³ Кутайсов Иван Павлович (1759–1834) – граф (с 1799 г.), любимец Павла I. Егермейстер (1798–1800), обер-шталмейстер (1800–1801).

Несмотря на недоброжелательство и козни завистников, обращение его со мною было иное, чем с другими. Все замечали, что он расположен был возвратить мне прежнюю милость, но я не желала этого и нехотя являлась ко двору, сопровождая дочь мою. После же ее замужества я перестала бывать при дворе.

По случаю этой свадьбы император был очень в духе, желал присутствовать при одевании невесты и велел сделать роскошные приготовления. Свадьба должна была происходить в Павловске. Фавориты императора, Кутайсов и княгиня Гагарина²⁴, были недовольны всем этим. Чтобы досадить мне, Кутайсов, бывший в должности обер-шталмейстера, замедлил прислать к нам в Царское Село придворные экипажи. Зная, что император терпеть не может, чтобы опаздывали, мы сели в свои кареты и отправились, найдя придворные экипажи около дворца. Мы прибыли ко двору двумя часами позднее назначенного времени и нашли всех в тревоге. Императрица, будучи в отчаянии, всячески старалась скрыть от меня причину тревоги, а между тем все бегали, шептались, и туалет невесты не подвигался. Деликатность Императрицы в этом случае не изгладится из моей памяти. Дело было в том, что император приказал отрешить от должности моего мужа, жениха и его отца²⁵. Тщетно старались умиловить разгневанного императора. Ни император, ни императрица не присутствовали на свадьбе, и был отдан строгий приказ, чтобы никто не смел на ней присутствовать, кроме необходимых свидетелей. По прибытии в церковь не начинали службы, надеясь, что удастся укротить гнев императора. Я не ведала причины всей этой суматохи, думала лишь о решившейся участи моей дочери, молилась о ее счастье и ждала вместе с другими прибытия Их Величеств. Наконец вбежал запыхавшийся Нарышкин и объявил, что Их Императорские Величества не будут. Я, как бы проснувшись при этом известии, обратилась к нему, спрашивая, что все это значит. Он отвечал, что ему очень прискорбно, но что государь ужасно рассержен. Я сказала ему, что так как он отчасти виноват в этом, то должен немедленно объявить Императору о нашей невиновности. Потом я в первый раз в жизни заговорила с княгиней Гагариной, настойчиво требуя, чтобы она отправилась к императору и объявила ему, что я не выйду из церкви, если не будет им признана наша невиновность, что все это вредит репутации моей дочери, и что, наконец, сама я заслуживаю более уважения; словом, я высказала ей все, что было у меня на душе. Напрасно уверяла она меня, что не имеет свободного доступа к императору. На это я сказала ей, что в подобных только случаях свободный доступ ее к царю может принести ей честь, и что я знаю, что император всегда охотно выслушает истину. Наконец она решилась написать государю из церкви карандашом на клочке бумаги. Записку тотчас отправили; венчание не кончилось, когда прибыл Кутайсов, умоляя меня во имя Бога не выражать своего неудовольствия перед императором, который успокоился и приглашает меня со всем семейством к себе в кабинет: такой милости он никому доселе не оказывал. Он обошелся с нами как нельзя лучше, осыпал нас любезностями, и все мы остались весьма довольны его приемом.

²⁴ Гагарина Анна Петровна (урожд. княжна Лопухина; 1777–1805) – княгиня, фаворитка Павла I с 1798 г.

²⁵ Жених – камергер Николай Петрович Свистунов (1770–1815), его отец – сенатор Петр Семенович. По словам Бартенева, оба они «были любимцами императора Павла. Н.П. Свистунов долго не мог примириться с воцарением Александра, тотчас вышел в отставку и лишь в 1812 г., по настоянию своего приятеля С.К. Вязмитинова, поступил директором департамента в Министерство полиции».

Мария Алексеевна Свистунова, урожденная Ржевская (1778—1866) – фрейлина; дочь писателя А. А. Ржевского; мать декабриста П. Н. Свистунова

После этого происшествия я прекратила всякое сношение со двором. Там становилось небезопасно. До меня доходили слухи о бурях, происходивших при дворе, где громовые удары сыпались без различия на больших и на малых. Отдаление мое от двора не оградило меня от опалы. Муж мой со многими другими сенаторами, столь же пожилыми и честными,

как он, без всякой вины отрешен был от должности²⁶. Но ему назначили пенсион за пятидесятилетнюю службу.

С шестнадцатилетним сыном моим Павлом²⁷ поступили недостойным образом. Прямо из маскарада его повезли в крепость, где он провел ночь в сыром и душном каземате из-за того только, что он в польском осмелился подойти близко к императору. Впрочем, не стану пересказывать дело в подробностях, потому что император старался вполне загладить этот поступок, как бы извиняясь в нем перед моим мужем. Он не знал сына моего и весьма сожалел об огорчении, которое причинил нам. Через четыре недели государя не стало. Последний раз я его видела за год до кончины.

Таким образом, зло, которое мне делал Павел I, всегда было необдуманно. Снисходительность его ко мне считаю за особую милость, потому что он никого не щадил. Но между тем ни один государь не может сравниться с ним в расточительности касательно наград. Он обогащал, а подчас и возводил в важные должности лиц, не имевших ни заслуг, ни особенных достоинств, являвшихся неизвестно откуда. При восшествии на престол он во все стороны раздавал громадные состояния, и не знаю, почему он обделил мою семью. Я имела немало прав на его милость. Это все сознавали, даже обогащенные им лица осуждали его несправедливость ко мне. Я никогда не искала его милостей, не желала их и не сокрушалась, будучи лишена их. Князь Безбородко²⁸ поместил мое имя в списке лиц, представленных к награде. Император вычеркнул его, и мне передали слова, сказанные им по этому поводу: «Она чересчур горда». Он заслуживает упрек с моей стороны. Император не обязан оказывать милости подданным, но должен быть к ним справедливым. А он был несправедлив по отношению к моему мужу в одном процессе с казною. Тяжба была давно окончена в нашу пользу, оставалось вознаградить нас за понесенный ущерб. Мы очень нуждались в вознаграждении, так как состояние наше было незначительно; кроме того, мы имели долги. Государь не хотел отвечать на многократные просьбы наши. Это был единственный случай, в котором я была огорчена его поведением, потому что мужу моему это было очень прискорбно. Вообще же я никогда не разбираала причин его поступков.

Мне было легче, чем кому-либо узнать двор, если б я желала изучить его. Но я говорила, что моим единственным желанием было избавиться от придворной жизни. Я пользовалась малейшим неудовольствием, чтобы удалиться, но меня постоянно вызывали обратно. Невольно сравнивала я свое положение с положением придворных вообще, которые, имея титулы, богатство, знатность, льнут ко двору, подвергая себя унижениям, лишь бы добиться снисходительного взгляда монарха. Но меня удивляло, что моему положению при дворе приписывали какую-то прочность. Не будучи тщеславна, я оставалась чужда и радостям, и беспокоействам. Я как бы поставлена была выше всех почестей, пользуясь непрочным титулом друга. При дворе дружба – своего рода должность, требующая постоянного подчинения. Считаю вас вполне вознагражденными отличием, которого вас устаивают, вам отказывают в услугах, даже когда вы крайне в них нуждаетесь. Мне вменялось в обязанность быть всегда любезною. Оно нетрудно, когда все расположены признавать вас любезною: при дворе тех, кто пользуется милостию, восхваляют не по заслугам. Положение мое, заслуживая мне уважение и внимание, не приносило никаких существенных выгод, и потому у меня не было и завистников. Но мне в тягость было придворное рабство при любви моей к домашней жизни, и я более делала усилий, чтобы выйти из моего положения, нежели сколько было нужно для сохранения его, о чем я не заботилась. Всякий раз, возвращаясь домой из дворца, я поза-

²⁶ А.А. Ржевский был отрешен от должности 4 сентября 1800 г.

²⁷ Ржевский Павел Алексеевич (1784–1852) – в 1802 г. поручик лейб-гвардии Семеновского полка, в 1805 г. ротмистр, с 1807 г. в лейб-гвардии Гусарском полку; позднее камергер, действительный статский советник.

²⁸ Безбородко Александр Андреевич (1747–1799) – князь, действительный тайный советник; государственный канцлер с 1797 г.

бывала обо всем, там происходившем, и лишь жалела о потерянном времени. Я оставалась всегда покойна. На поприще, где всякий подвигается ощупью, я с беспечностью отдавалась на волю судьбы. Среди развращения я сохранила чистоту нрава и всегда действовала прямо, никого не вооружая против себя. Все это истинная правда.

Перечисляя вкратце все происшествия царствования императора Павла, относящиеся ко мне лично, сделаю несколько общих замечаний, дающих повод к размышлениям. Во-первых, история г-жи Нелидовой потребовала бы целые томы, если бы описать ее подробно. Так как она происходила в моем отсутствии, расскажу лишь ее важные черты. Павел сблизился с Нелидовой, еще будучи великим князем, что было причиной изменений в домашней жизни его, не свидетельствующих в пользу Нелидовой. Произошла размолвка между супругами. Их явные ссоры повлияли на множество лиц как придворных, так и не принадлежащих ко двору. Могу основательно говорить обо всем происходившем в эту пору, будучи единственной поверенной великой княгини во время нерасположения к ней супруга ее, так как из всех ее друзей я одна отваживалась навещать ее по-прежнему, не подвергаясь личным оскорблениям, подобно другим ее друзьям. Зато при возвращении монаршей милости одну меня лишили вознаграждения за незаслуженную опалу.

При восшествии на престол императора Павла все милости оказывались через посредничество Нелидовой. Я обращалась к ней с просьбой за двух сестер моих, которым она оказала большие услуги, за что я ей благодарна. Вообще же она ко мне не благоволила. Но что казалось странным для всех, это расположение императрицы к Нелидовой. Она доставляла ей все почести и отличия, зависящие исключительно от благоволения императрицы; это можно было приписать воле императора, но необъяснимо было то, что она сделала ее своим другом и защищала во время немилости, которой она вскоре подверглась, а по смерти государя она стала с ней неразлучна.

Упомяну о низости людской, от которой мне пришлось пострадать по смерти императрицы Екатерины.

Первой милостию Императора Павла при вступлении его на престол было пожалование во фрейлины дочери моей, из чего все заключили, что мне придется играть важную роль при дворе, вследствие чего в течение нескольких дней ко мне нахлынуло множество друзей, принимавших участие в моей судьбе. Будучи опытна, я не стала разделять их надежд. К счастью, я вскоре от них избавилась. Впоследствии я узнавала, не выходя из дому, кто в милости при дворе, и кто нет. Те, кому не везло, постоянно вертелись у меня в доме; чуть лишь судьба им улыбалась, они переставали ездить ко мне. Из этого я заключила, что меня не жалуют при дворе. О суета сует, до чего ты доводишь людей!

Я еще не упоминала о нашем юном императоре Александре I. Посвящаю ему особую главу в моих воспоминаниях в знак моей признательности.

Он вырос на моих глазах и в детстве играл вместе с моими детьми. Во время отрочества его обстоятельства отвлекли меня от двора, и нам не суждено было сблизиться.

Когда вследствие изменений при дворе великого князя я стала реже посещать его, я видела великого князя Александра лишь вскользь. При жизни императрицы Екатерины мне не приходилось иметь сношений с молодым великим князем, и я не думала в ту пору, что впоследствии он будет иметь влияние на мою участь.

Моему излюбленному, достойному и добродетельному старшему сыну Александру²⁹ пришлось поступить в Семеновский полк в ту пору, когда великий князь был назначен его шефом. Расположение в[еликого] князя к моему сыну отозвалось во всем семействе нашем.

²⁹ Ржевский Александр Алексеевич (1781–1807) – офицер лейб-гвардии Семеновского полка с 1796 г. В 1802 г. флигель-адъютант, в 1806 г. полковник. Погиб в сражении. Был женат на Варваре Александровне Римской-Корсаковой (1784–1813).

Он отличил его, удостоил своей дружбы, доверия, уважения и начал оказывать мне самое лестное внимание как матери своего любимца. Мы оба, сын мой и я, были от него в восторге.

Встречаясь со мной, он постоянно говорил мне об Александре, не мог нахвалиться им. Слова его радовали меня более, чем некогда дружба его августейших родителей. Он окончательно очаровал меня своим поведением во время несчастья, случившегося с моим вторым сыном. Оно предсказывало, что подданные найдут в нем нежного отца. Сочувствие к нашим страданиям служило залогом для счастья наших детей в будущем. Из тысячи случаев приведу один, ко мне относящийся и свидетельствующий о добром его сердце. Угадав нашу горесть при арестовании сына моего Павла и не осмеливаясь открыто действовать, он дождался времени, когда император заснул и отправил к нам в первом часу ночи князя Петра Михайловича Волконского³⁰ и г-на Федора Петровича Уварова³¹ утешать нас, обещая на следующий день всячески ходатайствовать за сына нашего. Он сдержал свое слово. Впоследствии я узнала, что, заступаясь за несчастных жертв произвола, он подвергал самого себя отцовскому гневу. Вовек не забуду, как он порадовал нас своим участием.

По смерти мужа моего император назначил мне 4000 рублей пенсии и соизволил пожаловать мне 63000 на уплату долгов. Кроме того, он исполнил мою просьбу об одном бедном семействе и вывел его из бедственного положения, также оказал помощь и другому семейству.

По мнению вдовствующей императрицы, я была виновата перед ней в том, что, не посоветовавшись с нею насчет моего замужества (речь идет о втором браке Г.И. Ржевской, с савойцем Ипполитом Петровичем (по другим источникам – Ивановичем) Маскле, переводчиком басен Хемницера и Крылова на французский язык, камергером. – *Прим. ред.*), обратилась прямо к императору. Она еще более рассердилась, узнав, что император удостоил меня своим посещением. Я вовсе этого не добивалась, а случилось это вот каким образом. Я просила аудиенции у императора через графа Толстого (вероятно, имеется в виду Николай Александрович Толстой (1761–1816), обер-гофмаршал. – *Прим. ред.*). Последний вернулся через полчаса и объявил мне, что император просит позволения приехать ко мне. Я приняла его, внутренне недовольная оказанною мне честью, предвидя гнев вдовствующей императрицы. Когда я ему изложила все причины принятого мною решения, вот в каких выражениях он мне отвечал: «Никто не вправе разбирать, сообразуется ли такое замужество с вашими летами и положением в свете. Вы имеете полное право располагать собою и, по-моему, прекрасно делаете, стараясь освятить таинством брака чувство, не воспрещаемое ни религией, ни законом чести. Так должно всегда поступать, если это только возможно. Я понимаю, что одиночество вам в тягость; дети, будучи на службе, не могут оказывать вам должного ухода. Вам нужен друг. По уважению, которое вы внушаете, в достоинстве вашего выбора нельзя сомневаться». Единственным его вопросом было, предупредила ли я детей моих и его мать о принятом мною решении. Я отвечала, что предупредила детей моих, а касательно вдовствующей императрицы намекнула, что не миновать мне грозы, когда до нее дойдет о том слух; сказала, что равно и со стороны света ожидаю осуждений, и прибавила, что в поведении моем я обязана отдать отчет Богу да моему государю, которым я облагодетельствована, что, получив его одобрение, я смело могу надеяться на его покровительство, буде окажется в нем нужда...

³⁰ Волконский Петр Михайлович (1776–1852) – князь, адъютант великого князя Александра (с 1797 г.); генерал-квартирмейстер (1810), генерал-фельдмаршал (1843); начальник Главного штаба армии (1812–1823); министр двора и уделов (с 1826 г.).

³¹ Уваров Федор Петрович (1769–1824) – генерал-адъютант (1794), генерал-майор (1799), генерал от кавалерии (1814); входил в ближайшее окружение Александра I.

Анна Владимировна Стерлигова (1839–1879)

Стерлигова Анна Владимировна (урожд. Дубровина; 1839 – не ранее 1878) – биографических сведений, кроме содержащихся в тексте «Воспоминаний», разыскать не удалось.

Воспоминания *Избранные главы*

Счастливые годы, проведенные мной в институте, не изгладятся никогда из моей памяти, и воспоминания о них заставляют горячо биться мое старое сердце и со слезами благодарности и признательности благоговеть перед теми высокими и светлыми личностями, которые не оставляли нас своими милостями и неусыпными заботами о нашем воспитании и благосостоянии. 25 июня 1898 года будет сто лет, как покойная императрица Мария Феодоровна основала в Петербурге Екатерининский институт³², отдав под него здание, ей принадлежавшее, Итальянский дворец³³: так передавала нам классная дама Марья Григорьевна Аралова, которая хорошо помнила нашу высокую благотворительницу, в маленьком классе, во время ее посещений, носила за ней скамеечку и туфли и часто рассказывала нам много случаев и происшествий из прежней институтской жизни. Некоторые сохранились у меня в памяти, некоторые даже были записаны мною; но, к сожалению, мой ежедневный журнал, начатый со вступления в институт, т. е. с августа 1850 года, не весь сохранился. Покажется странным, что я с ранних лет начала думать, рассуждать и как бы расценивать людей; но горе обыкновенно и детям, и молодежи приносит опытность и развивает их ранее, чем счастливая жизнь; а у меня было много горя. Поэтому я должна объяснить причину моего замкнутого характера. Я не любила ни танцев, ни музыки, но обожала, как говорят институтки, чтение.

Я родилась в богатой семье. Отец мой В.И. Дубровин³⁴ имел полторы тысячи душ крестьян в Калужской губернии Масальского уезда и более десяти тысяч десятин земли, был человеком образованным и умным. Он был потомственный дворянин Псковской губернии и остался сиротою семи лет. Опекун его генерал Сергей Васильевич Непейцын³⁵, родственник его по его матери Анне Степановне Азанчевской, отдал его и трех старших его братьев в корпус, а единственную сестру в Смольный институт. Отец мой был недоволен воспитанием сестры и говорил, что никогда ни одну из своих дочерей не поместит в институт; но вышло иначе. Достигнув совершеннолетия, отец продал свою часть братьям, а сам сперва купил в Брянском уезде село Чернетеево, продал его княгине Солнцевой и вскоре купил семнадцать деревень у графа Орлова и Новосильцовой³⁶. С покупкою этого проклятого имения и начались наши бедствия. Деревни были куплены через поверенного и главного управляющего графа Орлова и Новосильцовой – Щеткина. Отцу чрезвычайно хотелось купить еще село Пятницкое, принадлежавшее им же; но, несмотря на значительную прибавку, Щеткин отказал в продаже, объясняя нежеланием своих доверителей продать старинную родовую усадьбу, где действительно были дом, сад и постройки. Не подозревая обмана, отец в 1839 году совершил купчую в Московской гражданской палате, затем поехал в купленное имение, выбрал место под усадьбу и приступил к постройкам и разным улучшениям, назвав село Владимирским. Сначала он начал строить церковь на свой счет в одном из приходов

³² Екатерининский институт благородных девиц официально именовался Институтом ордена Св. Екатерины. В 1802 г. институт с таким же названием был открыт и в Москве. С 1844 г. им был присвоен первый разряд. Кавалерственные дамы ордена Св. Екатерины считались покровительницами этих институтов.

³³ Итальянский дворец находился на набережной Фонтанки, 36. В 1804–1807 гг. на том же месте специально для Екатерининского института архитектором Дж. Кваренги было построено новое здание, сохранившееся до наших дней.

³⁴ Дубровин Владимир Иванович (1810–1847) – поручик.

³⁵ Непейцын Сергей Васильевич (ок. 1770 – после 1843) – участник Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и Отечественной войны 1812 г. (командовал партизанским отрядом от корпуса П.Х. Витгенштейна). С 1812 г. полковник лейб-гвардии Семеновского полка; в 1816 г. уволен от службы генерал-майором.

³⁶ Орлов Владимир Григорьевич (1743–1831) – граф, генерал-поручик; брат екатерининских вельмож Григория и Алексея Орловых; Новосильцева Екатерина Владимировна (урожд. графиня Орлова; 1770–1849).

(их было три: Пятницкое, Снопот и Любунь) Снопоте, во имя Святителя Николая, с двумя приделами Иверской Божией Матери и Св. Сергия, взамен пришедшей в совершенную ветхость старой. Потом он начал строить дом, хозяйственные флигеля, больницу, училище для крестьян и другие постройки, выписал лошадей, скот, начал рыть пруды, каналы, разводить сады и сажать кругом усадьбы роши, так что в скором времени в центре владений появилась прелестная барская усадьба, которой так много восхищались в старину в Калужской губернии (теперь же все или большая часть этих построек представляют развалины, а роскошные здания переделаны на фабрики и другие заведения вроде хлебов для скота или амбаров для ссыпки хлеба). В хозяйстве отцу помогал управляющий англичанин, не говоривший по-русски, но взятый отцом потому, что он был и доктор, устроивший больницу и аптеку и избравший двух мальчиков, будущих фельдшеров (один из них после освобождения крестьян, Пантелей, поступил в аптеку в монастырь Преподобного Сергия под Москвою, где и постригся). Переводчиком в сношениях с людьми этого управляющего в отсутствие отца была наша гувернантка, кроме которой у нас жили: учитель музыки на скрипке и фортепиано, Шпревич, и кончивший курс университета Иван Андреевич, учивший нас русским предметам и мальчиков-крестьян в школе. В помощь управляющему из всей вотчины отец выбрал бурмистра Филата и семнадцать старост, из каждой деревни по одному, которые приезжали ежедневно за приказаниями и делать наряды на работу, т. е. назначать, какие работы производить и каких и сколько назначать в усадьбу сторожей (возле риг, больницы и проч.). Отец часто навещался и в школу, и в больницу, смотрел за хозяйством и делал в нем усовершенствования, не забывая следить и за воспитанием детей. Таким образом, отец наш зажил богатою жизнью прежнего русского помещика, а освящение церкви сблизило его со многими соседями, так что многие желали его выбрать предводителем, что и породило вражду между ним и бывшим предводителем С. (скорее всего, речь идет об исполняющем обязанности предводителя дворянства Калужской губернии в 1846–1847 гг. титулярном советнике Константине Ивановиче Сорохтине. – *Прим. ред.*), который подговорил временное отделение (состоявшее в то время из предводителя, судьи и исправника), ссылаясь на соблюдение выгод казны, сделать опись всему имению за неплатеж казне 800 тысяч и назначить опекуна. Кто ему открыл существование запрещения, Бог весть! По предъявлении документов отец был сильно поражен этим известием. Если бы он был опытнее и менее честен, то мог бы откупиться крупною взяткой и отдалил бы на неопределенное время взятие в опеку имения; но, убежденный в правоте своего дела, отец предпочел вести дело с продавцами. Ни ум, ни энергия отца не спасли его в борьбе неравной, стоившей ему жизни.

Дело оказалось вот в чем. Крестьянин графа Орлова Марин, делая поставку провианта на армию в казну за поручительством своего помещика (иначе не могло быть по законам того времени) оказался несостоятельным, и в 1817 году было наложено запрещение на имение графа Орлова, село Пятницкое с деревнями, количество которых было написано, но названия не поименованы, конечно, в угоду знаменитому владельцу. Из числа этих деревень семнадцать – Арефино, Речицы, Кислое, Косая, Приветка, Ломакино, Стаи, Загрязная, Ивановка, Яблоново, Ясеная, Митино, Шевцы, Карпово, Ползы, Козловка и Пригорье – купил мой отец; несколько деревень купил граф Федор Федорович Келлер и сколько-то управляющий Нарышкиных Багряновский (имение было огромное). Теперь отцу стало ясно, почему так упорно отказывался Щеткин от продажи села Пятницкого.

Положив кроме трехсот тысяч, заплаченных за имение, многие деньги на постройку церкви, устройство усадьбы и пр. и надеясь выиграть процесс, справедливость которого была столь очевидна, отец протестовал против наложения запрещения, обошелся сухо с приезжавшим судебным персоналом и, не принимая назначенного опекуна, отправился немедленно в Петербург искать защиты в правоте своего дела у покойного императора Николая Павловича.

С собою он взял второго сына для окончательной подготовки его у Неймана, откуда старший сын уже поступил в Школу кавалерийских юнкеров и гвардейских подпрапорщиков³⁷. Дома остались с матерью четыре девочки и брат. Все учителя, гувернантка, бонна остались при нас, также и доктор Бауцен, который получал по тому времени большое жалованье (2 тысячи рублей кроме содержания), и его сын Виктор, наш общий любимец, учившийся с нами (с этим условием старик и выехал из Петербурга).

Московскую гражданскую палату отдали под суд; в низших инстанциях дело кончилось в нашу пользу, но когда перешло в гостеприимный Сенат, его положили под сукно, и оно лежало без движения, несмотря на энергические хлопоты отца. Грозою всех был в то время известный граф Алексей Федорович Орлов³⁸, и когда отец обращался к кому-нибудь, от кого зависело рассмотреть дело, то те лица дивились его дерзости, иногда молчали, а подчас отходили от него с ужасом на лице, как от зачумленного, и нередко высказывали: «Какая дерзость! Вести процесс с подобными лицами, столь высоко стоящими; удивляемся, что вы еще не в Сибири». Говорили, что многих дерзких, перечивших шефу жандармов, отправляли без суда и следствия, по одному подозрению, по Владимирке. Действительно, какая противоположность: поручик Дубровин является истцом к графу Орлову и Новосильцовой?!

По домашнему распоряжению графа Григория Владимировича Орлова селом Пятницким с деревнями владела с 1813 года жена его графиня Анна Орлова. В 1817 году наложено запрещение на имение Орлова. Анна Орлова умерла 5 декабря 1824 года. Одна часть 22 сентября 1824 года уступлена Мятлевой³⁹, а остальное досталось графу Владимиру Орлову, который, купив и мятлевскую часть, по смерти своей (30 января 1831 года), передал трем дочерям: 1) Новосильцовой, которая продала Елене Дубровиной в 1838 году, 2) гр. Паниной и 3) Давыдовой. Имение было ими продано Михаилу Федоровичу Орлову⁴⁰, который, в свою очередь, продал его в 1839 году Владимиру Дубровину.

³⁷ Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров была основана в 1823 г.; позднее (в 1864 г.) преобразована в Николаевское кавалерийское училище.

³⁸ Орлов Алексей Федорович (1786–1861) – граф (1825), генерал от инфантерии, шеф жандармов и начальник III отделения собственной е.и.в. канцелярии с 1844 г. Личный друг Николая I. Внебрачный сын Ф.Г. Орлова, А.Ф. Орлов приходился племянником В.Г. Орлову.

³⁹ Мятлева Прасковья Ивановна (урожд. графиня Салтыкова; 1772–1859) – родная сестра А.И. Орловой; мать поэта И.П. Мятлева.

⁴⁰ Орлов Михаил Федорович (1788–1842) – генерал-майор, декабрист. Родной брат А.Ф. Орлова; племянник В.Г. Орлова.

«Вид Смольного института». Художник Карл Петрович Беггеров.

Смольный институт благородных девиц Санкт-Петербурга – первое в России женское учебное заведение, положившее начало женскому образованию в стране.

Институт первоначально назывался «Императорское воспитательное общество благородных девиц».

Это общество, как говорилось в указе, было создано для того, чтобы «дать государству образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества»

Ответчиками по этому делу были Новосильцова и М.Ф. Орлов; последний ссылался на то, что его обманули: имение сбыто в чужие руки, чтобы тем запутать получение убытков потерпевшим, т. е. казне. Отец в числе многих прошений и напоминаний Сенату об окончании дела просил, наконец, одной милости: взыскать только с продавцов заплаченную за имение по купчей сумму, отказываясь от убытков и затраченных денег на устройство усадьбы, постройки и инвентарь. При личной подаче письменного прошения, подкрепляя словесно убедительной и унижительною просьбою не пустить по миру всю несчастную семью, получает он от высокостоящего лица следующий ответ: «Удивляюсь вашей дерзости вести дело с лицами, имеющими такую силу; как еще вы на свободе?! Вас давно следует засадить в крепость».

Воспитатель и опекун отца, генерал Сергей Васильевич Непейцын, и другие знатные родственники советовали бросить дело и обещали отцу дать хорошее место; то же говорил и генерал Скобелев⁴¹, комендант крепости, приятель деда, у которого я его видала. Он был без руки, а дед без ноги⁴². Как сейчас помню дедушку, каким молодцом заезжал он к нам

⁴¹ Скобелев Иван Никитич (1778–1849) – генерал-майор, комендант Петропавловской крепости в 1839–1849 гг., писатель.

⁴² Речь идет о С.В. Непейцыне, потерявшем ногу во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

на квартиру в Петербурге из дворца, с бархатными черными костылями, и каким смешным стариком бывал дома, сидя в каком-то ватном халате. Мы его очень любили, потому что он присылал нам свою карету с лакеем в генеральской шинели на гулянья или в театр, но никогда не позволял ездить матери в ней по делу. Его и Алексея Павловича Болотова⁴³, Хрущовых⁴⁴ и других более важных родственников мы узнали позже; они все у нас бывали, жалели нас, но не только пальцем не шевельнули в нашу пользу, а еще громко осуждали самонадеянность отца, не пожелавшего прекратить дело и взять место где-нибудь подальше.

Доведенный до отчаяния, истратив последние деньги, несчастный отец решился на последнюю крайность: лично подать прошение государю. Но он не подозревал, что за ним был устроен надзор, что за ним постоянно следят, опасаясь, что он пойдет на отчаянный риск и подаст лично прошение, а всем были известны рыцарская правдивость и беспристрастие обожаемого императора. В июне месяце 1847 года отец отправился в Петергоф, где всем тогда была памятна любимая дорожка недалеко от Монплезира, по которой прохаживался очень часто император. Движимый отчаянием, отец решился броситься на колени перед ним и подать прошение, имея маленький луч надежды, что он, вручив ему всеподданнейшее прошение, испросит милости прочесть самому. Все его любившие не советовали рисковать собою, но он никого не послушался, сделал надлежащие распоряжения по своим делам, не сказал ничего сыновьям, прибыл на пароходе в Петергоф, в определенный час отправился к Монплезиру и начал поджидать императора, который приходил в восьмом, иногда в девятом часу утра и, сидя на скамейке, любовался на взморье. Долго ходил несчастный отец в нервном возбуждении. Волнуемый мыслями, разнообразно толпившимися в его мозгу, отец увидел шедшего к нему чиновника средних лет с Анною на шее, в штатском платье, который приподнял шляпу и спросил: «Скажите, правда ли, что государь часто гуляет в этом месте? Я из провинции. Я давно слежу за вашим хождением взад и вперед около этого места; сам имею надобность узнать, наверное ли сегодня придет государь, и по вашему нервному возбуждению полагаю, что вам это известно. Но нельзя же так наглядно выдавать себя! Отойдите немного в сторону, чтобы нас не заметили и не предложили покинуть это место». С таким сильным участием были сказаны эти слова, что отец поддался их искренности и отошел в сторону. Собеседник говорил, расспрашивал, давал советы и выказал в своих рассказах много ума, такта и знания придворных привычек и происшествий в высшем кругу. Отец, увлеченный им, старался не отдаляться от заветной дорожки, но его собеседник, как видно, прекрасно знал расположение сада и отвлек его в такое место, где и на близком расстоянии, но за деревьями, можно было не заметить приближающегося человека. Урочный час прогулки прошел, а государя нет. Тогда его собеседник, вежливо раскланявшись, сказал ему: «Вы сегодня прозевали государя, вам никогда не подать лично прошения Его Величеству. Неужели вы так наивны, что не можете сообразить, что за вами устроен полицейский надзор; вас удержат, если не хитростью, то силою».

По возвращении в Петербург отец рассказал об этом эпизоде своим друзьям и сослуживцам; сыновей же он не хотел волновать. Он с этого дня как-то осунулся, а на третий день слег в постель, чтобы больше не вставать. Сильный, энергичный тридцатисемилетний мужчина скончался в конце июня 1847 года (точная дата смерти В.И. Дубровина – 22 июня 1847 г. – *Прим. ред.*). В бреду он говорил о жандармах, о преследовании, призывал государя, который оставался ему одною надеждою на лучшее будущее. Друзья его передавали матери

⁴³ Болотов Алексей Павлович (1803–1853) – генерал-майор, профессор Генерального штаба, где преподавал геодезию и топографию. Внук известного А.Т. Болотова. С Дубровиными был в дальнем родстве; предком Дубровиных был родной брат Тимофея Петровича Болотова (отца Андрея Тимофеевича и прапрадеда А.П. Болотова) – Матвей Петрович (? – 1766).

⁴⁴ Хрущовы были в отдаленном родстве с Дубровиными: прадед мемуаристки Михаил Матвеевич Болотов (1739–1791) был женат на Марии Петровне Стахеевой (? – 1786); ее сестра Прасковья Петровна Стахеева была замужем за Николаем Яковлевичем Хрущовым (1759 —?).

прямо, что жандармский чиновник категорически ему объявил решение своего шефа и сделал ему окончательное внушение, что он живой не увидит государя; другие заходили в своих предположениях дальше, утверждая, что отец был отравлен. Одно скажу, что когда покойная мать в 1848 году сама лично со своею старшею сестрою, в том же саду в Петергофе и на этом же месте подала прошение Императору Николаю, он, приняв его, передал сопутствующему его адъютанту; мать же с ее сестрою Болотовою попросили в какое-то помещение, а все-сильный шеф жандармов Орлов позвал их в свою канцелярию и стал делать выговор, зачем беспокоить государя, когда дело в Сенате и кончится беспристрастно. Мать, убитая горем и не успевшая попросить государя прочесть самому прошение, даже не слушала, что говорил граф Орлов; но сестра ее остановила его следующими словами: «Довольно, граф; сколько бы дело ни тянулось в Сенате, вы не успеете нас всех уморить, как уморили покойного зятя». Слова эти поразили, как видно, всемогущего графа, а его подчиненные поспешили один за другим выйти. Конечно, и это прошение не было доложено покойному императору.

На погребении отца ни деда Непейцына, ни деда Азанчевского, ни Хрущова (скорее всего, речь идет о Михаиле Николаевиче Хрущове (1786 —?), полковнике Смоленского полка, сыне Н.Я. Хрущова и П.П. Стахеевой. — *Прим. ред.*) не было; все уехали на лето из Петербурга. Только один товарищ отца майор Подрезов (без руки) и два сына: один кавалерийский подпрапорщик и другой воспитанник Неймана (живущий ныне со мною, контуженный в голову в Севастополе, бедный, сумасшедший) провожали отца на Волково кладбище (имеются в виду Николай и Иван Владимировичи Дубровины. — *Прим. ред.*). Незадолго до его смерти сосед по имению (граф Келлер), также потерпевший, но не начинавший дела с могущественными соперниками, дал отцу триста рублей серебром; на эти деньги его и хоронили. В то время телеграфов не было, да и на почту посылали мы за 80 верст, а потому известие о смерти отца пришло к нам только через месяц. Отца я не видала более двух лет; но отчаяние и слезы матери, сожаление и участие знакомых и это печальное и трогательное происшествие со всеми его последствиями, трауром, панихидами и причитаниями людей «бедные сироты», сильно подействовали на меня, восьмилетнюю девочку, и, не отдавая себе отчета, я чувствовала всю горечь людской неправды.

Конечно, горе наше было глубокое и поражающее; но нужно было все-таки прийти к какому-нибудь решению. После долгого обдумывания мать, подкрепляемая советами родных и знакомых, решила ехать в Петербург и продолжать хлопоты отца. Тяжело было расстаться со всеми удобствами привольной деревенской жизни, со множеством прислуги, с огромным домом, с прекрасным садом и парком: в несколько лет образовалась прелестная барская усадьба со многими постройками, окруженная со всех сторон большим сосновым лесом. Забрав нас (пять человек детей), гувернантку, которая жила у нас 10 лет без жалованья, двух горничных, повара и лакея, мать отправилась сначала проститься со своею матерью Болотовой⁴⁵ в Каширское имение и оставила там на хранение некоторые вещи, а все свое личное имущество (гардероб, ненужный ей по случаю траура, некоторые экипажи и мебель) продала и, набрав пять тысяч рублей серебром, кроме бриллиантов, серебра и мехов, двинулась в Петербург. Лошадей, скот и прочий инвентарь ей не позволили продать опекуны...

Только зимою мы прибыли в столицу в восьмиместном дилижансе Серапина⁴⁶, остановились в его гостинице и прожили у него до весны, пока нашли себе квартиру у майора Марковича, в Измайловском полку, где и прожили до самого отъезда. Семейство хозяина было многочисленное; он служил в фельдъегерях, был прекрасной души человек, вдовец,

⁴⁵ Болотова Екатерина Алексеевна (урожд. Ляхова; 1781–1856) – вдова губернского секретаря Андрея Михайловича Болотова (1780 – до 1831).

⁴⁶ Серапин Федор Дмитриевич (1787–1862) – коллежский ассессор, владелец гостиницы и конторы дилижансов в Петербурге.

любивший страстно своих детей (из числа которых трое были идиоты, потому что были напуганы во время пожара их дома, отчего и умерла их мать).

По приезду в Петербург мать с теткой Болотовой начали свои визиты по всем родным и знакомым, имеющим связи в высшем кругу. С удовольствием и радушием везде их встречали, всюду приглашали бывать; но, узнав причину их приезда в Петербург – процесс с графами Паниным и Орловым – очевидно менялись в своем обращении, так что мать, убившая горем, отказалась их посещать. Некоторые из родных указывали на высокопоставленных особ, которые за большую сумму могли довести до сведения императора все дело; но, посетив их, мать поняла, что не имела достаточно денег, чтобы подкупить людей, могущих обойти законный ход и доклад о деле. Противники имели явный перевес над нами: деньгами, связями, положением и родством.

В поисках и недоумении, что предпринять, изводимая постоянными приглашениями: «приходите еще раз, дело еще на рассмотрении у сенаторов», мать просила многих из них, но безуспешно; многие обещали, некоторые молчали, другие объявляли (посматривая на дверь, чтоб ее скорее выпроводить), что все по закону делается, и что скоро очередь и нашему делу к докладу, теперь же еще нет некоторых справок. Я забыла сказать, что, проезжая Москву, мать со всеми нами детьми поехала к митрополиту Филарету⁴⁷, который нас не принял. Мать с отцом была и раньше у него и просила ходатайствовать у графини Орловой⁴⁸ о примирении и удовлетворении нашего иска, но получила отказ на том основании, что он не входит в мирские дела; между тем графиня Орлова во всем слушала его, и дело бы прекратилось миром.

Время шло; жить в Петербурге стоило больших расходов, гувернантка нас не оставляла; следовало ей уделять хотя сколько-нибудь в счет жалованья (остальное она получила уже по окончании процесса). Старший брат кончал учение в гвардейской школе вторым учеником, и плата за него не вносилась, но генерал Сутгоф⁴⁹ даже не напоминал о плате; также бесплатно готовил и второго брата Нейман. С глубокою признательностью мать вспоминала этих добрых немцев и, получив имение, расплатилась с ними. В горе и отчаянии мать имела одну постоянную мысль, одно желание: выполнить намерение покойного отца, подать лично прошение, вполне уверенная, что если наше дело будет известно императору, то оно благоприятно для нас кончится, и все ее горести и страдания прекратятся. Все верили в справедливость императора, и всем было известно величие души его; но прошение, поданное Его Величеству в Петергофе, было подменено, вероятно, другим и уничтожено, как и все то, чего не желали доводить до сведения императора.

Ни одно, самое малое добро не остается без награды; так случилось и с матерью. В один из самых неудачных и печальных дней приезжает к нам с страшным выговором, что мать не дала ей знать о своем приезде в Петербург, пожилая дама, в которой мать едва могла узнать Дунечку, бывшую бедную соседку бабушки (которая помогала всей ее семье), вышедшую замуж за придворного истопника (потом смотрителя), очень разбогатевшего. Это была Авдотья Петровна Прокофьева, уже успевшая овдоветь. К ней прибегали многие знатные особы, занимая деньги; поэтому она знала почти всех придворных и, перечисляя, кто мог быть полезен матери, она не переставала придумывать, как бы помочь нам. Она была простая, без всякого образования женщина, но умная и сердечная, многим говорила, просила, ездила с матерью к некоторым лицам; но все напрасно. Наконец как-то она приезжает довольная и сияющая и объявляет, что сумела уломать своего хорошего знакомого

⁴⁷ Филарет (Дроздов Василий Михайлович) (1782–1867) – митрополит Московский и Коломенский в 1826–1867 гг.

⁴⁸ Орлова – Чесменская Анна Алексеевна (1785–1848) – графиня, фрейлина, тетка А.Ф. Орлова; была известна своей набожностью.

⁴⁹ Сутгоф Александр Николаевич (1799–1874) – полковник, начальник Гвардейской школы подпрапорщиков в 1843–1859 гг., затем в чине генерал-майора начальник Николаевского кавалерийского училища (1859–1863).

лейб-казака Надаржинского позволить матери пробыть в его комнате и допустить подачу прошения наследнику-цесаревичу в нижнем коридоре Аничкова дворца. Они давно об этом мечтали. Всем известна была ангельская доброта Александра Николаевича⁵⁰, его желание утешить угнетенных и страждущих, и согласие лейб-казака помочь матери давало полную надежду, что наследник-цесаревич защитит притесняемых, прикажет не тянуть с окончанием процесса и по справедливости положить законное решение. Только на одной случайной и строила мать свою надежду; все ранее подаваемые прошения в Петергофе и в Царском Селе лежали в Комиссии прошений под сукном и никому не докладывались. Извещенная Прокофьевой мать с сестрою отправилась в Аничков дворец и стала на указанном месте в коридоре в ожидании Цесаревича, ехавшего кататься со своим адъютантом, и как только он поравнялся с ними, мать упала на колени и, протянув руку с прошением, не могла ничего выговорить от волнения и слез. «Отдайте адъютанту». – «Одной милости прошу, Ваше Императорское Высочество: прочтите сами». Не договорив, она упала в обморок. Наследник-цесаревич, со слезами на глазах, растроганный, обратился к тетке и сказал: «Успокойте ее; я все сделаю, что возможно и законно». Потом он велел подать немедленную помощь матери, перенести ее в дежурную комнату, а пакет с прошениями (мать вместе со своим вложила прошение императору Николаю I, запечатанное и надписанное покойным отцом, которое ему не удалось лично подать в Петергофе) Александр Николаевич приказал положить на свой письменный стол и не распечатывать.

Этому прошло полстолетия, но я как сегодня вижу и слышу мать и тетку, как они рассказывают. Через несколько дней после подачи прошения в дом, где мы жили, является жандарм, который у хозяина дома Марковича спрашивает, где живет Дубровина. Наслушавшись ранее всех ужасов об Орлове, о тайной его канцелярии, мы, дети, попрятались от страха куда кто мог, уверенные, что и мать и нас всех увезут и засадят в крепость; но оказалось, что мать вызывали в назначенное время явиться в канцелярию наследника-цесаревича.

В то время гофмаршалом двора Его Императорского Высочества был В.Д. Олсуфьев⁵¹, в высшей степени честная и правдивая личность, которую встречаешь только в истинно русском человеке. Редкий был этот человек по своей правдивости, человеколюбию и простоте, с какою он обращался к просителям; он смотрел с одинаковым участием на всех богатых и бедных, обращавшихся к нему с просьбами.

«Ну, матушка, – встретил Василий Дмитриевич этими словами мать, – Его Императорское Высочество прошения ваше и вашего мужа изволил прочесть сам, но еще императору не докладывал, а велел мне вызвать вас и узнать, не нужна ли вам денежная помощь, или не желаете ли устроить детей на казенный счет. Говорите без стеснения; о доброте и великом сердце цесаревича нечего повторять, это всем известно, а то неизвестно, когда кончится ваш процесс; дело сложное по многим причинам». – «Ваше превосходительство, прошу только возвратить нам заплаченные за имение триста тысяч и взять обратно имение в прежнее владение продавцов; об убытках я не упоминаю, Бог с ними! Я продала все, что имела, на содержание себя и семьи; доходов с имения не получаю, принуждена занимать. Все знают нас за людей богатых и вполне верят в правоту нашего дела, которое тянется десять лет, нас совсем разорило, мужа уморило, и я жду того же. Доведенная до крайности, прошу вашего ходатайства испросить у Его Императорского Величества заимообразно три тысячи. Детей на казенный счет отдавать не желаю; это будет грешно, имея полторы тысячи душ и более десяти тысяч десятин земли». – «Эх, матушка, отбросьте гордость и взгляните хорошенько: все богатые, имеющие связи, помещают своих детей на казенный счет; мой вам совет, поль-

⁵⁰ Александр Николаевич (1818–1881) – будущий император Александр II.

⁵¹ Олсуфьев Василий Дмитриевич (1796–1858) – обер-гофмейстер, гофмаршал двора великого князя Александра Николаевича.

зуйтесь случаем поместить детей. Принесите мне их бумаги через неделю, а я доложу к этому времени Его Императорскому Высочеству. Он по своей доброте и денег вам даст, и детей устроит по благоусмотрению. Прощайте».

Мать во всю свою жизнь не могла без сильного душевного волнения вспоминать об этом простом, истинно хорошем человеке; он оказал много благодеяний матери своими советами и указаниями и, оставляя мать посидеть у него в кабинете, сам уходил с докладом к наследнику-цесаревичу, чтоб не заставлять ее приезжать лишний раз. Благодаря его хлопотам приказано было калужскому губернатору Смирнову⁵² выдавать матери с имения ежегодно три тысячи, а пока она получила заимообразно три тысячи из канцелярии цесаревича; неуплаченные же деньги за воспитание братьев были внесены из канцелярии Его Императорского Высочества, о чем сообщил матери Василий Дмитриевич и прибавил, что наконец императору Николаю о нашем деле докладывал сам цесаревич, что графа Орлова не принимали несколько времени, и что сына Николая наследник-цесаревич изволил заместить своим пансионером в гвардейскую школу, дочь Анну, т. е. меня, государь император назначил своей пансионеркой в Екатерининский петербургский институт, сына Ивана зачислили пансионером великого князя Константина⁵³ в Морской корпус, дочь Елену выбаллотировали в Смольный; остались неустроенными дочь Екатерина, шестнадцати лет, и самая младшая Любовь, шести лет.

Вот я неожиданно и поступила в институт. После личного доклада императору наследником-цесаревичем дело наше пошло в ход. Государь был поражен поступками своих приближенных; говорили, что он несколько времени не принимал графа Орлова, но привычка берет свое; Орлов был так любим императором, что даже наследник потому и мешкал с докладом, что боялся встретить недоверие в том, верны ли собранные сведения и документы по делу Дубровина. Орлов, конечно, подыскал оправдания; но покойный император Александр II не имел к нему доверия, так как, проследив все дело, убедился, что богатые и знатные наследники графа Владимира Орлова устроили незаконную продажу через своего поверенного и управляющего Щеткина; а ранее, во время их владения, они бездоимочно владели деревнями и пользовались доходами: тогда никто не смел напомнить о секвестре имения и о взятии его в казну. В низших инстанциях, повторяю, дело кончено было в нашу пользу; но Сенат молчал и не разбирал дела несколько лет, пока получил высочайшее повеление рассмотреть дело Дубровиных с Новосильцовой, Паниным и Давыдовым. После долгих пререканий Сенат пришел большинством голосов к следующему решению: возратить имение Дубровиным, сняв запрещение, которое перенести на другие имения продавцов, предоставив потерпевшим право искать убытки за неполучение всех доходов с имения в продолжение десяти лет. Только два сенатора, Васильчиков и Оржевский⁵⁴, возвысили голос в нашу защиту, не соглашаясь с общим решением и настаивая на том, чтобы теперь же назначить сумму убытков, что вдова с детьми, лишенная процессом всех средств к жизни, останется довольна, сколько ей ни назначать; но остальные сенаторы мотивировали свое решение неизвестностью и трудностью определить и вычислить сумму и под давлением угодливости и страха постановили прежнее решение. Говорили, что честные и правдивые сенаторы уклонились от подписи и более не присутствовали в Сенате.

Мать, чрезмерно обрадованная возвращением имения, и не помыслила хлопотать об убытках; являвшиеся поверенные требовали много денег для ведения процесса об убытках, да еще вперед, а денег совсем не было у матери, и потому она решила не начинать дела.

⁵² Смирнов Николай Михайлович (1807–1870) – калужский гражданский губернатор в 1845–1851 гг.; муж мемуаристки А.О. Смирновой-Россет.

⁵³ Константин Николаевич (1827–1892) – великий князь, сын Николая I.

⁵⁴ Васильчиков Алексей Васильевич (1778–1854) – сенатор с 1820 г.; Оржевский Василий Владимирович (1797–1867) – в то время служил директором Департамента полиции исполнительной, сенатором стал только в 1855 г.

В 1849 году, вернувшись во Владимирское, мы нашли его совершенно разоренным. Постройки были запущены; все, что можно было увезти и присвоить, было украдено опекунами, которыми назначали самых бедных дворян, вполне уверенных, что никогда имение не будет нам возвращено. Не говоря о мелочах, поставлю на вид, что триста штук рогатого скота погибло от какой-то небывалой эпидемии, и когда стало известно, что этим воспользовался опекун Данилевский, который за это подвергнулся ссылке, то мать, сжалившись на просьбы его и многочисленной несчастной его семьи, простила ему. Исправив кое-что, как позволяли средства, и водворив дворню, распущенную или взятую опекунами к себе в услужение, мы начали мириться с мыслию жить не прежнею богатою жизнью, но понемногу устраиваться, и не знали, как благодарить Господа и молиться за заступничество и великую помощь наследника-цесаревича, по милости которого нам возвратили нашу собственность, считавшуюся всеми навсегда утраченной.

Здание Екатерининского института в Москве, 1912 год

С лишком год прошел после нашего водворения в имение, и весной 1850 года мать получила бумагу, чтобы меня, как уже зачисленную пансионерку императора Николая, привезти в Екатерининский институт в августе месяце, десятого числа. Мы уже думали, что о приеме меня позабыто в Петербурге, и вот неожиданно начались сборы и приготовления к отъезду. Мать не могла по болезни взять меня сама и отправила меня к бабушке Болотовой, в Каширский уезд, на своих лошадях тройкою, в тарантасе, с нянькою Катериной, лакеем и кучером, людьми надежными и верными, которые, сдав меня бабушке, возвратились домой; далее же меня повезла тетка, родная сестра матери. Горько плакала я, расставаясь с матерью

и со всеми любезными мне местами. Горе мое увеличивалось тем, что меня повезет тетка, которая не любила меня; ее баловнями были братья, а меня часто бранили и даже наказывали несправедливо по ее милости. Протестовать против решения матери было немыслимо, и я с тяжелым сердцем села в тот же дилижанс Серапина. Остановились в той же гостинице, близ Пажеского корпуса. С нами для услуг взят был лакей, он же и портной и парикмахер, Семен Константинов, и в продолжение трехдневного переезда от Москвы до Петербурга он искусно завивал мне волосы, припекая щипцами папильотки, а тетке букли, гладил и чинил платья и одежду, успевал обслуживать и другим пассажирам, за что ему хорошо платили. После короткого отдыха в гостинице тетка повезла меня в институт, где дежурная пепиньерка⁵⁵ провела нас в комнату начальницы, Екатерины Владимировны Родзянко⁵⁶, которая, приласкав меня, просила тетку подождать, пока меня осмотрят в лазарете доктора Блюм и Пицулевич⁵⁷, куда я отправилась с тою же пепиньеркой. По возвращении оттуда мне разрешили пробить с теткою в приемной. Опять татап меня приласкала, а я не догадалась даже поцеловать у нее ручку, что делали при мне входившие пепиньерки и воспитанницы. Оказалось, как сказала навестившая меня на другой день тетка (привезшая мне, по заявлению начальницы, большой зеленый шерстяной платок и дюжину бумажных чулок), что m-me Родзянко, урожденная Квашнина-Самарина, была сродни Дубровиным, что, впрочем, никакой пользы мне не принесло. Экзамена мне в тот день, за отсутствием учителей, не было, а потому тетка, оставив мне немного денег у начальницы, вернулась домой.

Итак, я осталась одна, вдали от своих близких. Тяжело, невообразимо тяжело было мне привыкать и к началству, и к порядкам и правилам института. В особенности меня преследовала мысль, что я, точно в заключении, должна пробить пять с половиною лет. По выходе из института я благословляла день моего поступления туда. В институте, благодаря непрестанным благородным внушениям, что достоинство человека состоит в честном исполнении своего долга, я научилась молитве, поняла нашу религию, состоящую во всепрощении и любви, прониклась глубоким уважением и нелицемерною любовью к царю и Отечеству и искреннею признательностью ко всему институтскому персоналу, начиная с начальницы и кончая пепиньеркой.

Поступив в институт двенадцати лет, воспитанная иначе, чем мои подруги, в горе и несчастии, я рано стала наблюдать за различными происшествиями институтской жизни и с маленького класса начала писать свой журнал. Не могу по сие время привести себя к сознанию, ради чего я это делала; может быть, потому, что скрытная со всеми, даже с моими друзьями, я никогда никому не передавала печальной истории нашего процесса, который мне был известен с восьми лет, и находила одну отраду искренно высказаться на страницах своего дневника. Один раз, совершенно случайно, услышала я разговор высокопоставленного лица обо мне: «Дубровина, дочь поручика, пансионерка императора! Что-то непонятно». Обратившись ко мне, это лицо стало задавать вопросы о моей матери и родных; но я умыш-

⁵⁵ Пепиньерка (от фр. *periniere*) – воспитанница, оставленная в институте по окончании курса для обучения в специальном педагогическом классе и для педагогической практики.

⁵⁶ Родзянко Екатерина Владимировна (урожд. Квашнина-Самарина; 1794–1877) – начальница петербургского Екатерининского института с 1839 г. Воспитанница Смольного института, вдова генерал-майора Михаила Петровича Родзянко. По воспоминаниям воспитанницы, а с 1869 г. классной дамы Екатерининского института С.А. Аникеевой, «Е.В. Родзянко была личность замечательная. Это была настоящая русская боярыня, любившая свою родину и свой институт, <...> любимая и уважаемая царской семьей и умевшая привлечь расположение царя и царицы к нашему институту. При всем этом она была весьма проста, задушевна и симпатична в обращении со всеми. Это была женщина умная, благочестивая, с теплою отзывчивой душой, обожаемая мать, нежнейшая бабушка <...> была образованна и глубоко сердечна, умела хорошо понять труд и достойно оценить его» (Аникеева С.А. Воспоминания бывшей институтки о С.-Петербургском Екатерининском институте. СПб., 1899. С. 32–33).

⁵⁷ Пицулевич Матвей Антонович, статский советник.

ленно на все отвечала незнанием и в своем дневнике назвала его ослом. Страница оказалась вырвана, кем – не знаю. Можно ли было профанировать такое знатное имя!

Тетка уехала, и я осталась одна-одинешенька, с тяжестью на душе, при сознании своего одиночества. После экзамена меня привели во второе отделение младшего класса⁵⁸ и сдали пепиньерке. По своим познаниям я должна была поступить в первое отделение, и почему инспектор назначил меня во второе, не знаю. Меня посадили на лавочку еще в домашнем платье, с ученицею в казенном зеленом платье, и я дослушала последний урок Закона Божия. В пять часов зазвенел колокольчик, священник вышел, все вскочили со своих мест, и классная дама провозгласила: «*Silence, mesdemoiselles!*» («Тише, барышни!») (*фр.*) – *Прим. ред.*). Большая часть девочек стали по парам и с классной дамой во главе вышли из класса. Я обратилась с вопросом: «Куда идут они?» – «Чай пить», – ответила сидевшая рядом со мною девочка и объяснила, что классным дамам родители воспитанниц платили по 30 рублей в год за стакан чая и несколько сухарей, которые давались в комнате классной дамы ежедневно вечером. Классную даму заменила пепиньерка, и сию же минуту дежурная горничная внесла в класс корзину с черным хлебом и бутылъ с квасом. При виде этого горести моей не было пределов; раздача черного хлеба, нарезанного ломтями, показалась мне сильнейшим наказанием, и я, не притрагиваясь к нему, залилась горькими слезами. Ведь у нас дома наказывали так провинившихся горничных! Какой же проступок сделали мы, оставшиеся в классе? Меня обступили, начали расспрашивать, как моя фамилия, имя, кто мои родные? Я упорно молчала и только плакала неутешно, вспоминая своих и свой родной дом. Пепиньерка безучастно смотрела, работая у стола, окруженная девочками, своими любимицами. Напрасно подошедшая ко мне девочка П. утешала меня, уговаривая съесть кусочек хлеба: я со злостью ее отталкивала, не соображая, что она подвергалась одной участи со мной. Потом я очень подружилась с этою девочкою, бедною, но хорошею во всех отношениях, бывшею первою ученицею, и, подражая ей, всегда брала под свое покровительство новеньких, зная по опыту, как тяжело бывает им при поступлении; тем более, что я перегнала по учению свою утешительницу и, как хорошая ученица, могла и защитить, и оградить от насмешек, если новенькая поступала неловко или против правил института. Слезы мои должны были прекратиться с приходом дежурной пепиньерки, которая повела меня наверх в бельевую комнату, где кастелянша (а по-институтски белевая дама) m-lle Гардер сняла с меня мерку на платье и фартуки, отобрала кипу белья, велев мне его заменить, и меня отвели назад в классную. Через пять или шесть дней меня позвали в мастерскую, и m-lle Гардер надела на меня зеленое камлотовое (сшитое из камлота, шерстяной или полушерстяной ткани, жестковатой на ощупь. – *Прим. ред.*) платье, с белыми рукавчиками (съемные рукава, подобие нарукавников. – *Прим. ред.*), пелериною и фартуком из полотна. Я долго не могла привыкнуть ни к белью, ни к твердому и жесткому платью, а более всего к кислому хлебу, от которого у меня болел рот. Часто я бывала в лазарете, а под конец, по слабости здоровья и с особого разрешения начальницы, постоянно там обедала и ночевала, потому что могла вставать позднее и пользоваться лучшим кушаньем, чем за общим столом.

Но ничто так дурно на меня не действовало, как звон колокольчика ранним утром, к которому я никак не могла привыкнуть. В шесть часов утра все должны были вставать и умыться в прихожей дортуара (общей спальни. – *Прим. ред.*), где ночью всегда спала обязательно горничная. Все спешили к двум умывальникам из красной меди с тремя кранами, над огромными тазами из дикого камня или, лучше сказать, резервуарами, перебивая одна другую; каждой хотелось поскорее умыться, а потому на место ушедшей заступала ее подруга

⁵⁸ Воспитанницы большинства женских институтов (за исключением Смольного) делились на два возраста (класса) – младших и старших. Внутреннее деление возрастов было на параллельные отделения (в различных институтах их могло быть 3 или 4). В первое отделение и старшего и младшего возраста попадали девушки наиболее знатного происхождения и наилучшей подготовки.

или, как говорилось, уступала его по любви. Потом убрали голову, всех новеньких обыкновенно стригли (я очень рада была избавиться от завивки волос), и оканчивали свой туалет. Обыкновенно одевали одна другую парами, как говорилось в институте; в случае несогласия или неряшества пары назначались классной дамой, конечно, в маленьком классе. В дортуаре стояло в ряд по 15 кроватей, железных с двумя тюфячками, двумя простынями и одеялом, летом белым тканевым, а зимой натуральной желтой шерсти с красными каймами. Между кроватями посередине был широкий проход, а с другой стороны ряд кроватей от окон и стены отступал аршина на полтора; за ними, разостлав большие платки на полу, сживали обыкновенно мы по несколько девиц в праздничные и табельные дни⁵⁹, и это было любимым местом, где мы беседовали между собою, читали, работали и делили гостинцы, привозимые родными. Между кроватями стояли дубовые столики с выдвижными ящиками, особенными для каждой, где лежали принадлежности туалета: ночные чепцы, кофты, полотенца; мыло, щетки и другие мелочи покупались на свой счет, но после, по приказанию императрицы Марии Александровны⁶⁰, стали давать казенные. Ящик запирался на ключ, который мы были обязаны носить в кармане, и в случае внезапной ревизии ящиков, в порядке ли они, если ключа в кармане не оказывалось, то виновная подвергалась наказанию стоять у доски в классе до прихода учителя, чему и я подверглась один раз (единственный случай, когда я была наказана, и то в маленьком классе). Белье было не тонкое, но всегда чистое, менялось два раза в неделю; если же пачкали пелеринки или передники, то хотя и с выговором, но переменили их в бельевой. У некоторых было свое белье; даже одевать, убирать голову и делать постели приходили горничные, за что им платили, или они делали по обожанию. Исключительно свои горничные, жившие в институте, были у Софи Трубецкой (вышедшей потом за Морни; эта крепостная женщина Стефани, как ее все звали, из подмосковной Трубецких, не оставлявшая и боготворившая свою барышню, жила с нею и в пансионе, и в Париже) да у Дунечки Родзянко (племянницы начальницы)⁶¹. Зашнуровав платье и передник одна другой, к половине восьмого все спешили стать в один ряд по росту в средину пустого пространства между кроватями, потому что раздавался звонок, и немного спустя выходила классная дама из своей комнаты, одна дверь которой отворялась прямо в дортуар, и осматривала по очереди каждую, начиная с больших и кончая маленькими ростом, стоявшими всегда к выходу из дортуара. Это показывание себя было также умением, требовавшим привычки. Зорко осматривалась очередная институтка, и ее прическа, и чистота ногтей, и чистота передника и платья, даже завязывание бантика на переднике не ускользали от внимания классной дамы.

Опять не могу не вспомнить милую П.: она меня научила, потому что была старенькая, да к тому же из *bons sujets* (Отличниц (*фр.*) – *Прим ред.*), как нужно было вечером, ложась спать, сбрызнуть пелеринку, передник и рукавички и, сложив аккуратно, положить между двумя тюфяками на постель; вынимая поутру, я находила их точно выглаженными и была поражена мудростью Marie, к которой прибегала потом за советами. Немало стоило труда и умения в старших классах причесывать голову и завязывать бант в передниках; только некоторые славились своим искусством, и сколько приходилось им возиться в торжественные дни с нетерпеливо ожидавшими своей очереди, чтобы завязать грациозно бант или окончить прическу.

Осмотрев туалет девиц, классная дама вызывала дежурную, которая выходила вперед на средину дортуара и читала наизусть утренние молитвы; новенькие пропускались в одну

⁵⁹ Табельные дни – дни официальных государственных праздников (тезоименитства государя, годовщины коронации и пр.); в обиходе отличались от обычных (церковных) праздников, т. к. в табельные дни устраивалась иллюминация, улицы украшались государственными флагами и т. д.

⁶⁰ Мария Александровна (1824–1880) – императрица (с 1855 г.), жена Александра II.

⁶¹ Родзянко Евдокия Петровна (в замужестве княгиня Хилкова) – племянница Е.В. Родзянко по мужу: дочь Петра Петровича Родзянко (1807–1852) и Марии Васильевны Муратовой (1820–1850).

очередь, а потом исполняли по алфавиту свою обязанность. В старшем классе все четыре отделения собирались в большой приемной зале, где одна из девиц первых отделений выходила вперед и читала молитвы как утром, так и вечером; обыкновенно назначались лучшие ученицы, читавшие ясно и громко, и более смелые, потому что на вечерней молитве не раз присутствовали высочайшие особы.

После молитвы классная дама в старшем, а пепиньерка в младшем классе вели нас в столовую пить чай. Нам давали по кружке сладкого чая с молоком, или постного, и вечный розанчик, только Великим постом заменявшийся французскою трехкопеечною булкой. В столовой мы усаживались по пяти с каждой стороны стола; горничные приносили чай, а дежурная институтка каждого отделения большого и маленького классов получала мешок с булками по числу воспитанниц. После чая нас отводили в класс, где обязательно сидела пепиньерка, конечно, в меньших классах, или ходила возле своего класса по коридору с некоторыми обожательницами. В 9 часов сменяла ее дама по звонку, и приходил учитель, который никогда не входил в класс, если не было классной дамы: это было запрещено. В половине одиннадцатого сменял другой учитель, а в 12 часов мы шли обедать в столовую, с классной дамой во главе, при окликах дам: «Silence, mesdemoiselles». Мы даже шепотом не передавали своих замечаний о кончившихся уроках, иначе были бы наказаны *debout a table* (Стоянием за столом (*фр.*) – *Прим. ред.*), т. е. стояли бы до подачи первого кушанья за столом. Нас кормили хорошо, но не всегда. Мы по качеству обеда знали об отъезде из Петербурга царских особ, нас посещавших; ведь институт наш находится близ Аничкова моста. В обед всегда давали три блюда, а в ужин два; садились в том же порядке, как и за чаем. По приходе всех классов и прочтении молитвы дежурною пели: «Отче наш». Все садились, и горничные вносили оловянные миски, ставили их на стол посредине, и две средние девочки раздавали суп, каждая на свою сторону, а с оловянных блюд таким же путем раздавали жареное и пирожное; ложки были серебряные, а тарелки фаянсовые. Хлеб был вообще кислый, а квас очень плохой, и мы всегда просили дать пепиньерского хлеба, который был мягче и вкуснее. По окончании обеда и прочтении молитвы уходили тем же порядком; только старший класс по отделениям вперед, а потом маленький класс с дамами и пепиньерками. До двух часов отдыхали, брали уроки музыки, приготовляли уроки, делали, что хотели, кроме наказанных, и опять по звону колокольчика усаживались каждая на свое место, ожидая учителя. В половине четвертого его сменял другой, а в пять часов отправлялись пить чай к классным дамам. Вскоре по поступлении я тоже стала пить чай у своей классной дамы баронессы Ган; не столько желательно было иметь свой чай, как отрадно было мне хотя несколько минут посидеть у нее в комнате, поговорить с нею: она так участливо обходилась со мной. Впоследствии, по приказанию принца Ольденбургского⁶², стали и вечером давать чай всем; но мы, взяв в столовой следуемые нам розы, уходили пить свой чай. В шесть часов по звонку садились по местам готовить уроки, репетировали слабых учениц, метили свое белье, вязали чулки, что кому следовало делать по указанию классных дам и пепиньерок. Если был праздник, то нас водили ко всенощной и обедне, где на двух клиросах пели институтки старшего класса, под управлением регента Ламакина⁶³ или своих регентш-девиц.

⁶² О принце Петре Георгиевиче Ольденбургском (1812–1881), председателе Главного совета женских учебных заведений с 1845 г., институтки вспоминали очень тепло. См.: Гарулли В. Указ. соч. С. 35–36; Аникеева С.А. Указ. соч. С. 35–36; Ковалевская Н. Указ. соч. С. 618–619.

⁶³ Ломакин (Ламакин) Гавриил Акимович (1812–1885) – титулярный советник, регент Екатерининского института и Шереметевской капеллы в Петербурге, «знаменитый в то время, известный своими музыкальными произведениями по части церковного пения. По мнению некоторых подруг, он был немного похож на <...> Александра II. Почти такой же величественный рост, такие же бакенбарды. <...> Разделив нас по разным голосам, он торжественно сел за рояль и аккомпанировал нам с закрытыми глазами, такая была у него привычка. Всякий раз, заслышав фальшивую ноту, он широко раскрывал глаза и, обращаясь в ту сторону, где слышалась фальшь, протяжно произносил: «Альты врут!»» (Гарулли В. Указ. соч. С. 31).

В большом классе многие не имели свободных часов от 6 до 8 часов: два дня были танцы, два дня церковное пение и два дня светское пение под управлением Кавоса⁶⁴; оставался свободным один вечер субботы, когда шли ко всенощной. Поужинав в 8 часов, возвращались в дортуары, где, помолившись Богу, умывшись и приведя в порядок свой белый передник и все аксессуары к нему, ложились спать, снимая белые чехлы с кроватей, которые убирались и приводились в порядок двумя горничными; они же мели пол, чинили платья, приносили чистое белье и собирали грязное и проч. Раздавали белье по номерам дежурные по классу, раскладывая на кровати каждой согласно ее номеру; если что забывали положить, то делали выписку и посылали в бельевую с горничной, приносившей недостающее⁶⁵.

Уложив нас, классная дама уходила к себе; но мы долго не засыпали, переговаривались между собой, перебегали одна к другой, чтоб передать что-нибудь секретное или окружали всю ночь горевший ночник, чтоб прочесть запрещенную книгу (романы нам не позволялись); и только когда выведенная из терпения классная дама, отворив свою дверь в дортуар, делала обычный окрик: «*Silence, mesdemoiselles*», тогда все смолкало и останавливалось, иначе подвергались наказаниям [те], которые попадались в нарушении тишины; иногда же наказывался весь дортуар. В старшем классе было свободнее: дозволили сидеть и готовить уроки до двенадцати часов, в особенности во время инспекторских экзаменов. Мы имели свечи, подсвечники и фонари, даже могли уходить в физическую и рисовальную комнату заниматься, или в просвет, где, при висячих лампах в коридорах, готовили уроки, ходя взад и вперед. Многие имели эту странную привычку учить уроки и ходить: иначе не могли твердо выучить.

Во время моего поступления в 1850 году в петербургском Екатерининском институте было только два класса с четырьмя отделениями в каждом. Выпуск производился из всех четырех отделений старшего класса через три года, так же как и в Патриотическом институте и в Обществе благородных девиц; следственно, из этих заведений выпускали по очереди каждый год до ста пятидесяти учениц и менее, смотря по количеству оканчивавших курс учения. На выпуск к патриоткам и смольнянкам брали лучших учениц, а также имевших сестер в этих заведениях (я была на обоих выпусках 1854 и 1855 годов), где мы знакомились с успехами в науках девиц, смотрели их рукоделья и рисунки, выставленные в зале, слушали игру на фортепиано и пение, любовались танцами, и нас угощали чаем, десертом и ужином. В свою очередь и к нам приезжали из двух институтов на выпуск 1856 года.

Во втором отделении было, как и в трех остальных младшего класса, по две классных дамы и пепиньерки, которые делили поступавших девочек на две половины. Я попала к баронессе Ган и m-lle Потемкиной. На их обязанности было репетировать с нами уроки

⁶⁴ Кавос Иван (Джованни) Катариневич (1805–1861) – композитор, хормейстер петербургской оперы, преподаватель итальянского пения в Екатерининском институте.

⁶⁵ Ср. описание распорядка дня в воспоминаниях старшей соученицы Стерлиговой С.А. Черевиной: «Распределение времени было следующее: круглый год вставали по звонку в 6 часов утра. В 6 общая молитва в большом зале, – католички составляли поодаль круг и молились; лютеранки молились в другом конце нашего огромного зала. В 7 час. попарно отправлялись в столовую – подавали сбитень (молоко с медом), оно было вполне по вкусу, – некоторые за известную годовую плату получали у классных дам чай. От 8 до 8 ч. 45 м. шло приготовление уроков или урок музыки – по расписанию перед каждым из многочисленных фортепиано. От 8 ч. 45 мин. до 9 час. читались вслух Евангелия в каждом отделении. От 9 до 12 ч. две смены учителей (между двумя уроками – проветривание класса и выметался сор). В 12 час. шли попарно в столовую к обеду, и некоторым, по расписанию, приходилось приготовление или урок музыки. В 1 час пополудни они составляли несколько пар и отправлялись к обеду. От 1 до 2 ч. гуляние по саду; если погода не позволяла, то наставало свободное время, столь ценное для приготовления какого-нибудь урока. От 2 до 5 ч. снова две смены учителей (в промежутке тоже проветривание и прочее). В 5 вносили корзину с ломтями черного солдатского хлеба да квас. Некоторые (даже числом больше, чем утром) пили опять-таки чай у классных дам. От 6 до 8 ч. танцы и пение (у кого оказывался голос), а в субботу – всенощная. Этим объяснялось, что назначенное это время от 6 до 8 ч. не существовало для многих, особенно в старших классах, в виде приготовления уроков, – мастерски урывали мы для этого часы предполагаемого сна. В 8 ч. попарно отправлялись в столовую к ужину, затем общая молитва, а в 9 ч. ложились спать» (Воспоминания воспитанницы XVIII выпуска Софии Черевиной, по замужеству Родзянко, от декабря 1847 до февраля 1853 г. СПб., 1898. С. 5).

немецкого, арифметики, географии, естественной истории, а остальные предметы репетировать взяла на себя m-lle Семенова с m-llee Волховской. Кроме того, у них хранились наши деньги, к ним надо было обращаться с просьбою о покупке тетрадей, лакомства и пр.; у них пили чай и писали под их контролем письма родителям, а равно получались ими и распечатывались адресованные девочке.

К концу года, после инспекторского экзамена, я стала одною из первых, а ко времени перехода в старший класс первою ученицей. В особенности хорошо я читала стихи, писала сочинения; главное же, я сначала побаивалась высоких гостей, а под конец совершенно свыклась и никогда не боялась отвечать пред ними; поэтому меня вызывал каждый преподаватель отвечать в трудных минутах. Ко мне относились очень снисходительно, и потому, что я была слабого здоровья, худая и бледная, m-llee Ган избавила меня от корсета; я ходила в капоте с зеленою из камлота с пелеринкою, потому что доктора находили у меня признаки чахотки. Спала я в лазарете до восьми часов, пила там желудковый кофе, а за обедом, по приказанию принца Ольденбургского, давали мне рюмку красного вина и кровяной бифштекс; если я чувствовала себя нехорошо, то уходила после классов с шести часов в лазарет, где или занималась, или ложилась спать.

Многим я обязана своей классной даме m-lle Ган, которой, вероятно, уже нет в живых! Она требовала выполнения обязанностей с каждой вверенной ей девочки строго и педантично; но сколько доброты и любви сказывалось в ней, если девочка исправлялась, училась и вела себя хорошо! Меня мирила с институтом в мое время идеальная справедливость начальства к учащимся, что наглядно показывает наш выпуск: предпочтения не было ни знатным, ни богатым; со всеми обращались одинаково и справедливо, ценили успехи и учение каждой, что не всегда бывает и в настоящее время прогресса и гласности не только в женских, но и в высших мужских заведениях, куда невозможно поступить обыкновенным смертным. В наше время честность и справедливость царствовали в институтах отчасти и потому, что они находились под постоянным контролем принца Петра Георгиевича Ольденбургского и часто посещались императрицами.

В маленьком классе я пробыла около трех лет, и первым моим горем был мой перевод в первое отделение к другой классной даме, Марье Григорьевне Араловой, старшей из всех институтских дам⁶⁶. Уважаемая всеми, но со множеством странностей, она осталась институткою до смерти, потому что ни разу не покидала стен института во всю свою жизнь. Оставшись круглою сиротой, она была взята императрицей Марией Феодоровной в институт пяти лет, боготворила покойную, с умилением и слезами рассказывала о ней, говорила об ее частых посещениях и ласковом обращении с девочками и таинственно передавала некоторым, что трогательные заботы Ее Величества и полное любви сердце к девочкам подвергались насмешкам и осуждению даже в царственной семье. К ней всегда обращались за советом, если встречались какие-либо затруднения в решении вопросов в отношении этикета, приема какого-либо царственного иностранца, распределения подарков или прочих подношений, встреч и других, на вид мелочных, но необходимых подробностей. Она с гордостью и любовью сохраняла все предания и порядки в институте, сосредоточив на нем всю нежность своего сердца; ее любили, а на взгляд посторонних она иногда казалась странною. Более всего ее любили за рассказы о многих происшествиях, очень интересных, о дворе, о нарядах того времени и пр.

⁶⁶ О классной даме М.Г. Араловой (Ораловой) сохранились упоминания в записках нескольких екатерининских институток. В частности, В. Гарулли запомнила эту престарелую даму, «оправдывавшую свою фамилию» и «вечно оравшую на весь институт» (Гарулли В. Указ. соч. С. 11). См. также: Воспоминания воспитанницы XVIII выпуска Софии Черевинной... С. 3. Отцом Ораловой был петербургский учитель Григорий Федорович Оралов, преподававший в начале XIX в. грамматику, арифметику и катехизис в Юнкерской школе.

Другая труженица, классная дама, которая, вероятно, заслужила себе райский венец своею любовью, самоотвержением и заботами о вверенных ей детях, была m-lle Орреджио, классная дама четвертушек – так звали в насмешку четвертое отделение, вверенное ее попечению, состоявшее из самых маленьких, плохо подготовленных детей. За нею я в старшем классе постоянно следила, удивляясь беспримерному терпению, с которым она относилась к каждой девочке, ей вверенной. Я видела, как она сама умывала и одевала девочек; каждую обласкает, утешит, если та плачет, расспросит почему, принесет гостинца новенькой. Ее в насмешку прозвали нянькой; она знала это и нисколько не обижалась, продолжая терпеливо ухаживать за детьми, и если ее четвертушка заболела, то она навещала ее в лазарете, покупая на свой счет лакомств и игрушек.

Экзамены в институте в 1900-е гг.

В конце года бывали инспекторские экзамены в присутствии начальницы, инспектора и учителя того предмета, которого шел экзамен; редко приезжал кто-либо из попечителей, иногда министр народного просвещения Норов, граф Борх⁶⁷ или принц Ольденбургский; но в старших классах обязательно приезжали не только они, но и многие другие, даже часто. В продолжение трех лет во время обыкновенных уроков мы неоднократно удостоивались посещений высочайших особ, своих и иностранных. Первый год экзаменов маленького класса был самый пустяшный.

Все отделения маленького класса были собраны в физической комнате; начальница обратилась к нам с маленькой речью и наставлениями. Инспектриса взяла приготовленные бантики-кокарды и приколола каждой, удостоенной награды, на левое плечо, начиная с пер-

⁶⁷ Норов Авраам Сергеевич (1785–1869) – товарищ министра просвещения в 1850 г., министр народного просвещения в 1853–1856 гг., член совета училища ордена Св. Екатерины; Борх Александр Михайлович (1804–1867) – граф; действительный тайный советник, обер-церемониймейстер, также член совета.

вого отделения. Я получила вторую кокарду, т. е. с белой пуговкой, и была в восторге от этого отличия. Кокарды постепенно меняли свой вид, и из банта красной ленты, получившего впоследствии смешное название петуха, образовалась уже круглая кокарда из двух белых и двух пунцовых петель, под конец постепенно переходивших в белые, и подразделение их по различным видам (белых из четырех петель, белых с красной пуговкой или с одной, двумя и тремя белыми петлями, а остальными красными) имело большое значение и наглядно показывало степень развития и учения девочки; а в старшем классе, судя по кокардам, ясно было, кто удостоился какой награды. Я переменила все кокарды, повышаясь каждую раздачу, и в большом классе в числе десяти получила совсем белую.

Раздача этого белого незначущего бантика, сшитого самими же ученицами, имела сильное влияние на успехи по учению и поведению девиц, производя большое соревнование между ними. С каким восторгом написала я о получении мною награды матери и всем своим родным! Кокарды надевались на левое плечо во время приема родных по воскресеньям и четвергам, а также в церковь по праздникам. Родители могли знать без отметок, как учатся их дети. В старшем классе раздача кокард была обставлена торжественнее по числу присутствовавших лиц и речей.

Мало-помалу я совсем освоилась с институтским строем жизни; меня познакомили со всеми обычаями и привычками, и я, получивши награду, уже лишилась названия новенькой, а вступила в разряд *bons sujets*. Все классы находились в нижнем этаже. В классе, где я пробыла во втором отделении, кафедры не было, а стоял посредине стол, на котором лежали журнал с фамилиями девиц (где учителя выставляли баллы за ответы), перо и чернильница, по изяществу которых можно было судить о расположении девиц: когда любили учителя, ставили изящное и дорогое, в противном случае – казенную оловянную чернильницу и казенное гусиное перо или с простой деревянной ручкой. Как в маленьких, так и старших классах сидели по две на изящной дубовой скамейке, перед дубовым столом, разделявшимся на два пюпитра, в ящике которого каждая девочка отдельно прятала свои книги, тетради и прочие учебные мелочи и пособия; за порядком и чистотою ящиков строго следили. Обыкновенно лучших учениц сажали в первый ряд, больших ростом на средние скамейки, которых было пять в ряду, на двух боках – по росту, а самых маленьких – на самых крайних скамейках. Большой навык и умение было рассадить в порядке, чтобы при входе посетителей в класс глазам высоких гостей предстала стройная группа или колонна девиц, а не торчали бы там и сям отдельные личности. При входе не только высочайших особ, но даже учителей все вставали и приседали зараз; потом садились, и урок начинался в спокойном ожидании как начальства, так и того, что если будут неожиданные посещения, то сидевшие в первом ряду ответят хорошо и толково на все задаваемые вопросы, что тетради и записки их всегда красиво и четко написаны и в изящных переплетах и обложках. Да и мы, сидевшие на первых лавках, так привыкли в большом классе к частым посещениям различных особ, что не боялись осрамиться. Как только обозначалось, что поступившая девочка достаточно подготовлена, то классная дама назначала ей в ученицы одну или двух таких, новеньких или стареньких, которой она должна была толковать, спрашивать и говорить об ее успехах классной даме, лично проверявшей, как выучен и понят урок. Девочка-учительница называлась «*maitresse*», а девочка-ученица «*ecolier*» (Наставница; ученица (*фр.*) – *Прим. ред.*). Это была страшная несправедливость в отношении первых учениц, которые, учив уроки, должны были тратить немало времени на подготовку ленивых, и вся тяжесть объяснения и ответственность за плохие успехи *ecolieres* ложились на метрессу. В случае упрямства и отказа готовить какую-нибудь тупицу или лентяйку непослушание отмечалось в «*Petit rapport*» (Рапортчик (*фр.*) – *Прим. ред.*). У стола, стоявшего в глубине класса, задом к окнам, сидела обыкновенно особая классная дама; перед ней лежала большая переплетенная книга, называемая «*Grand rapport*» (Рапорт (*фр.*) – *Прим. ред.*), куда вносились выдающи-

еся проступки, а равно и то, что заслуживало похвалы. Этот рапорт читали все посетители, его просматривали императрицы и начальство. «Petit rapport» был домашним отчетом дам и пепиньерок для вписывания провинившихся; оба писались по-французски. Записанная несколько раз неисправимая ученица вносилась в «Grand rapport». Тут значились смешные шалости вроде опоздания в класс на несколько минут, непорядка в туалете, в особенности волос; многим приходилось мочить водою свои непослушные волосы, которые, высохнув, поднимались вихрями. «Ведь не гвоздем же мне их прибить», – сказала одна из *mauvais sujets* (Дурно себя ведущих (*фр.*) – Прим. ред.), и ее записали за непослушание и дерзкий ответ. Проступки были все подобны приведенному. Когда же имена виновниц хотели перенести в «Grand rapport», поднимался такой плач, что им прощали. Скажу по совести, что там было более хороших отметок. Хорошие ученицы назывались *bons sujets*, плохие – *mauvais sujets*, или проще мовешки. Ничто так не преследовалось и не наказывалось, как насмешки и карикатуры на учебный персонал и воспитательниц; действительно, они были меткие и оригинальные, а карикатуры поразительно похожие. Напр[имер], одну прозвали Бог мартышка, другую, за ее крики, *Pestrella de la Criarda* (Пестереллой Крикуньей (*фр.*) – Прим. ред.), Гие-ной, Нянькой и проч.; учителей – Божество во фраке, Солнце на ходулях, Кашевар, Колбасник и пр. На многих сочинены стихи. Я на себе испытала мучение готовить девочек; только что возьмешься или прочесть интересное, или переписать набело заметки, *extraits* (Выписки (*фр.*) – Прим. ред.) (нам читал лекции каждый учитель по своим запискам, а мы составляли свои по прослушанному уроку), как зовут: «Дубровина, ваша *escoliere* ничего не знает». – «А что же я буду делать с нею?» Прослушаешь ее, объяснишь; кажется, хорошо знает, отправишь к классной даме или пепиньерке, а она стоит столбом и ни слова, ни звука. Одни не желают отвечать, другие не в состоянии по своей тупости. Сколько крови перепортили они и учителям, и дамам, но сами оставались гордо-спокойными в своем нежелании учиться, а я попадала в «Petit rapport» за то, что плохо исполняла свою обязанность и делалась козлицем отпущения чужих грехов.

Хотя и по сие время нападки продолжают на институтское образование, но нужно знать причину этих недостатков, которая не может быть известна не воспитывавшимся в институте. Я провела почти 6 лет в стенах его, одна моя сестра пробыла 8 лет с лишком в Смольном, третья, самая младшая, получила образование в Екатерининском московском институте, и я убедилась, что причиною дурных и нелепых отзывов об институтском образовании – сами кончившие курс, и вот по какому случаю. Все институты были заведения закрытые, порядок и учение в них родителям были неизвестны; они отдавали своих детей или пансионерками царской фамилии, или на свой счет, как и теперь, радовались, что дочери их получают образование, подобающее высшей касте, будут себя держать прилично в обществе, говорить на иностранных языках, танцевать и пр., а не для того, чтобы добывать себе кусок хлеба, как в настоящее время. Но и тогда выходило из институтов много хороших и нравственных воспитательниц, как матерей семейств, так и гувернанток; тем более им чести, что они не готовились к этому, а так угодно было судьбе. Из 145 девиц, кончивших курс со мною в 1856 году, да еще взятых до экзамена домой по различным причинам, не могли же все быть одинаково развиты и способны. Меня страшно все-таки возмущал идиотизм многих воспитанниц, и я долго не могла понять, зачем их держать? На стыд, на посрамление! В наше время домой не отпускали, разве только опасно больных, с разрешения императрицы; поэтому все шесть лет мы проводили вместе, без перерыва, и я после постоянных наблюдений пришла к заключению, что в жизни вообще, как в частной, так и в общественной, все предосудительное, нехорошее выплывает наружу и подлежит нареканию, а о хорошем умалчивается. Состав выпускных институток много портило то обстоятельство, что неспособных и даже тупиц не исключали из заведения. Это и есть корень зла. Несколько таких выпущенных с аттестатом девиц, часто принадлежащих к аристократии, распростра-

няя славу о неразвитости и нецелесообразности институтского образования, давали повод к неверным выводам и заключениям. Помещенные в институт против их желания, это бывали уже порядочно взрослые девочки, которым родители тщетно старались дать образование дома и, видя безуспешность их, сплавляли их преспокойно, как в исправительный дом, в институт. Многих лет по 13 ¹/₂ и более отдавали, чтоб они не мешали дома и не были наглядными доказательствами лет матери. Конечно, обе эти категории девочек принадлежали к высшему классу; они отчасти познали веселости света и были озлоблены своим помещением в институт, ничего не делали, ничему не учились и, кроме умения говорить на иностранных языках, ничего не приобретали. Их мы называли дурами на всех языках. Были идиотки вроде Т. и Б., из богатых и знатных семей. Т. была замужем за одним директором банка в Петербурге, жила роскошно; а потому, что ее нет больше в живых, я могу привести ее ответ на вопрос: «Сколько лет продолжалась Семилетняя война?» – «Десять лет», – отвечала она. Покойный принц П.Г. Ольденбургский звал ее «Сашенькой». Она пробыла в институте девять лет и получила диплом. Такие-то особы разнесли по многим местам нашей благодатной и беспредельной матушки России славу о непрактичности институтского образования. К этой плеяде тупоумных патентованных дур институтское начальство относилось добросовестно, стараясь передать им хотя какие-нибудь познания; но ни усилия классных дам, ни старания учителей не могли ничего сделать. И все они, эти взрослые девочки, отданные по семейным причинам, только и ждали выпуска; некоторые из них поступали, с разрешения императрицы, 14 и 15 лет. К третьей категории поступающих принадлежали пансионерки казенные, или своекоштные, которых отдавали именно для того, чтобы учиться; из среды их и выходили более всего дельные девушки, но они затерялись в числе других, им не сделано надлежащей оценки. А сколько из них было достойных матерей, жен, дочерей! Сколько добрых семян рассеяли они в своих и чужих семьях!

Сколько из них поддерживали благосостояние семьи, занимаясь образованием своих и чужих детей!

Нет, на мой взгляд, не осуждать следует институтское воспитание, а благословлять императриц Марию Феодоровну, Александру Феодоровну⁶⁸ и Марию Александровну, принца Ольденбургского и других лиц, неусыпно заботившихся о нашем образовании и содержании, следивших за успехами и за справедливостью начальства и старавшихся все упростить и улучшить. Дух времени был не тот, что теперь; поэтому ошибки воспитания того времени были незаметны. Одно только можно строго осудить: несмотря на требования начальства исключать из заведения неспособных, разрешения не давалось. Множество богатых родителей и знатных людей восставало против выключки, и начальству оставалось одно: возмущаться при виде этих неудачниц и нести ответственность за их неспособность и нежелание учиться. Сколько бы дельных девиц можно было определить на места не желающих заниматься, которых ни наказания, ни насмешки, ни усилия ни к чему не вели; они отлично знали, что их не исключат. Да, это было большое зло!

Свою начальницу мы все любили. Она была добра и справедлива, делала нам различные удовольствия, не выходявшие из пределов ее власти, испрашивала высочайшего соизволения отпускать некоторых слабых девиц к родителям на известное время летом. Но и она не избегла насмешек. Одна из мовешек на вопрос постороннего лица: «Все ли у вас казенное?» – отвечала: «Конечно, все, даже мать казенная»; а другая на вопрос: «Как ваша фамилия?» – отвечала: «Разве вы не знаете военного министра? Я его племянница». Судя по ответам, видно, что ученицы не были угнетены и забиты, как говорят. Раз в неделю назначались четыре девочки по азбуке, по одной из каждого отделения маленького класса, которые ходили обедать к тапан, а из старших классов туда ходили по две в неделю; иногда

⁶⁸ Александра Федоровна (1798–1860) – императрица, жена Николая I.

по своей доброте и сожалению татап лишний раз звала к себе обедать слабенькую здоровьем. Помню, с каким страхом и радостью отправилась я в первый раз туда. Наша пепинька заранее осмотрела меня и около пяти часов вызвала в коридор; собравши всех четырех, дежурная у татап пепинька повела нас в столовую, небольшую комнату, где стоял обеденный стол. Вскоре пришла татап; каждая из нас поцеловала у нее руку, и наконец нас посадили рядом и по обе стороны пепиньки, которая сидела против татап и разливала суп. На мое счастье, посторонних посетителей не было, а была только Екатерина Михайловна, дочь хозяйки⁶⁹, немолодая девушка, которую я обожала (а потому мои похвалы покажутся восторженными), да еще Соня Клодт⁷⁰, учившиеся в старшем классе. Это были две прелестные девушки, которых многие из нас, маленьких, обожали. Обед кончился для меня, новенькой, удачно; я не сделала ни одного промаха. В первый раз я тут увидела и больших, потому что нам запрещалось ходить по нижнему коридору возле их классов и по второму возле их дортуаров; наши же дортуары находились в третьем этаже, а классы – в противоположной стороне, возле лазаретной лестницы. Если приходилось взбираться в дортуары, то не иначе, как по боковым лестницам: с парадной средней лестницы нас гнал старший класс и не позволяли по ней ходить. На сделанные мне вопросы во время обеда я отвечала также удачно. Поцеловав руку и сделав реверанс татап, мы пошли каждая в свое отделение, где расспросам не было конца.

Кроме классных дам надзор за нами имели три инспектрисы. При моем поступлении была у нас m-lle Гогель; все институтки звали ее тетя Саша, по примеру ее племянниц; ее заменила m-me Деер⁷¹, которую мы не любили и звали «бомбой»; она сделана начальницей в московском Екатерининском институте, и вместо нее назначили к нам m-me Фан-дер-Фур⁷², с которой мы и кончили свое воспитание.

Наступил третий месяц моего пребывания в Институте; приближалось торжество, празднование 24 ноября⁷³. Начались вызовы в бельевую или целого отделения, или некоторых девиц; там надевали новые платья, примеряли передники, m-me Гардер с карандашом в руках отмечала неровность в длине передника и с немецкою точностью чертила на нем карандашом заметки, сколько и где ушить, так что, когда мы становились в ряд, то нельзя было узнать, где начинался и где кончался передник у каждой из нас: такой наконец добивалась она ровности во всю длину стоящих в ряд девиц, а я по своей глупости, как новенькая, обратилась с вопросом: «Зачем так ровно?». «Wie dumm sind Sie!» («Как вы глупы!») (нем.). – *Прим. ред.*), с добавлением по-русски: «Чтоб глаз не уколоть!». Я и тут не разобрала, а спросить у старших боялась насмешек; потом, прочитав свои заметки, я одумалась и поняла. Когда я стала мерить башмаки, то мне сказали, что почти все имели свои, в особенности для балов и танцев, а казенные и толсты, и тяжелы; они были вроде нынешних туфель, но без лент, из плохой кожи; по моей просьбе m-lle Ган купила мне пару хороших башмаков на мои деньги, но перчатки нашла излишним покупать, и мне дали желтые замшевые казенные, потому что я, думали, как новенькая, не рискну танцевать. Утром мы все были в церкви, где служил архиерей; потом после хорошего обеда в 12 часов (бульона с пирожком, дичи с вареньем и кондитерского пирожного) дали каждой по рюмке белого, очень вкусного вина, после которого отвели в дортуар. В церкви я в первый раз увидела принца Ольденбургского, но

⁶⁹ Родзянко Екатерина Михайловна (1823–1900) – дочь Е.В. Родзянко, фрейлина с 1862 г.

⁷⁰ Черевина Софья Александровна (1835–1910) – мемуаристка, с 1854 г. жена полковника Кавалергардского полка М.М. Родзянко, сына Е.В. Родзянко.

⁷¹ Деер (Дейер) Анастасия Александровна, вдова действительного статского советника; начальница московского Екатерининского института в 1852–1862 гг.

⁷² Об инспектрисе Фан дер Фур есть упоминание в воспоминаниях В. Гарулли (Гарулли В. Указ. соч. С. 26).

⁷³ 24 ноября по старому стилю отмечался день Св. Екатерины; в этот день был праздник в институтах ордена Св. Екатерины.

не могла его рассмотреть, потому что далеко стояла. Обыкновенно в церкви стояли по правую сторону от входа старшие, а по левую младшие, маленькие ростом впереди; посредине оставался проход для тех из посетителей, которые во время всенощной прикладывались к Евангелию, а после обедни ко кресту; за начальством прикладывались старший и младший классы. По церкви ходили дамы и пепиньерки для сохранения порядка и соблюдения правильности рядов; стояли по шести в ряд. В семь часов вечера, одетых в новые платья, нас повели по отделениям дама и пепиньерка в большую залу, где бывал прием родных, учились пению и танцам, давались концерты и балы, справлялись все торжества, кроме театра. Нас разместили за колонны на лавочках, стоявших в три ряда одна выше другой, чтоб удобнее было видеть отделенных от залы перилами аршина полтора в высоту. Во время приема по четвергам и воскресеньям на них сидели родители, а в зале стояли девицы и беседовали с родными. Зала была огромная; при входе из физической комнаты с левой стороны стоял огромный портрет Екатерины II над двумя ступеньками, покрытыми красным сукном во всю длину портрета. Мы в старших классах любили сидеть на них или на окнах и смотреть на проезжающих или во двор графа Шереметева⁷⁴, что строго запрещалось. На белых колоннах были прибиты овальные синие доски, на которых золотыми буквами красовались по выпускам фамилии девиц, получивших шифр (металлический вензель царствующей императрицы; вручался на выпуске лучшим институткам. – *Прим. ред.*) (теперь эти доски, по приказанию начальницы Бюнтинг⁷⁵, вынесены на чердак; очень любопытно, отчего?). Вслед за нами пришли старшие отделения. Когда вошла татап со своими гостями, то четыре девицы старшего класса сыграли на рояли, потом Наташа Черевина⁷⁶ танцевала с бубном в руках «болеро» (сольный танец испанского происхождения. – *Прим. ред.*), очень мило и грациозно; спели что-то «итальянское». Это были все сюрпризы татап (последующие годы были более разнообразны сюрпризами). Когда рояли вынесли, то начались танцы, заиграла своя музыка; начали кадрили, и старшие брали танцевать своих сестер и обожательниц младшего класса, которые большею частью уклонялись от этой чести, боясь насмешек. Принц Ольденбургский, а также Гофман и Броневский⁷⁷ приехали до начала сюрпризов. Все они сидели спиной к портрету Екатерины II. Рядом с Его Высочеством сидела татап с какою-то полною дамой, родными и знакомыми и со всем воспитательным и учебным персоналом. Кадрили танцевали учителя со своими лучшими ученицами старшего класса; более же всего танцевали девица с девицей или, как говорили, *ta chere с ta chere* (русский аналог этого французского выражения – «шерочка с машерочкой». – *Прим. ред.*). Молодежи, братьям и родственникам не позволялось бывать на балах, так что ни два сына нашей татап, молодые кавалергарды, ни брат Черевиных⁷⁸, который был в Николаевском кавалерийском училище, ни мой брат лейб-улан (речь идет о Н.В. Дубровине. – *Прим. ред.*) не допускались туда. Только приезжие родные девушки и девочки оживляли танцы и своими костюмами разнообразили зеленый и коричневый цвет наших платьев. Во время вечера роздали нам каждой по яблоку, по кисти винограда и по пачке конфет. Под конец маленькие, ободренные своими классными дамами, толклись в одном углу залы подальше от гостей. Ко мне подошла одна девочка моего отделения, а с нею старшая из первого отделения: «Вы знаете Марш?». В недоумении я посмотрела

⁷⁴ Речь идет о так называемом «Фонтанном доме» графов Шереметевых (наб. Фонтанки, 34; архитекторы С.И. Чевачинский и Ф.С. Аргунов, 1750–1755).

⁷⁵ Бюнтинг Мария Николаевна фон (урожд. фон Медем) – выпускница петербургского Екатерининского института, начальница его с 1878 г.

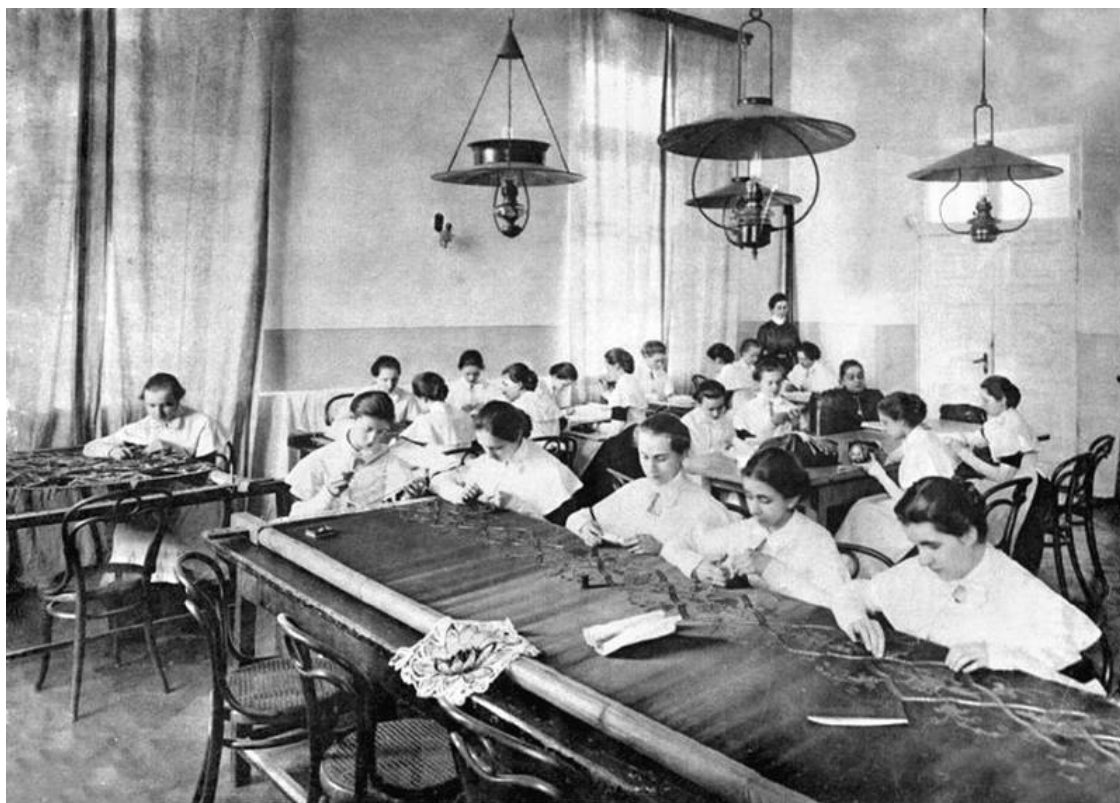
⁷⁶ Черевина Наталья Александровна (в замужестве Казнакова; 1841 —?) – сестра С.А. Черевиной.

⁷⁷ Гофман Андрей Логгинович (1798–1863), статс-секретарь, и Броневский Дмитрий Богданович (? – 1867), генерал-лейтенант, директор Царскосельского лицея (1840–1853), – члены Главного совета женских учебных заведений.

⁷⁸ Черевин Петр Александрович (1837–1896) – юнкер Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, брат Н.А. и С.А. Черевиных; в дальнейшем товарищ шефа жандармов, товарищ министра внутренних дел в 1880–1883 гг.

и сконфуженная отвечала: «Нет, не знаю». Оказалось, что фамилия ее была Марш, она знала моих родных; а я в простоте души солгала. Я играла на фортепианах и марши, и полонезы и подумала, что меня заставят сыграть марш. Хорошо, что вышло удачно; иначе бы меня засмеяли подруги. В 11 часов нас маленьких увели спать после ужина, состоявшего из двух тартинок с сыром и колбасой, слоеного пирожка, рюмки вина, стакана аршада (прохлаждающего напитка из разведенного миндального молока. – *Прим. ред.*) и стакана лимонада. На другой день мы встали позднее обыкновенного, и опять пошло все своим чередом. Были еще балы 6 декабря, 1 января, 23 апреля, 2 и 22 июля. Летом было веселее: танцевали в саду на площадках, все было иллюминировано; кто танцевал, кто сидел, кто гулял в саду.

В начале декабря меня назначили к m-те Лалаевой в рукодельную, где нас в числе восьми девочек засадили вышивать оборочки по белому батисту, а потом туфли по бархату, что сначала мы делали плохо и неумело; потом многие стали выполнять изящные работы, подносимые разным высоким посетителям и посетительницам. Там мы пробыли дня три, приходя в класс только в часы Закона Божия. В верхней мастерской, где учили шить белье и вышивать по канве, я только два раза и была из старшего класса и всегда жалела бедную учительницу, которая, как говорили, была из прислуги графа Шереметева; над ней сильно смеялись и постоянно дразнили институтки.

На уроке рукоделия

В середине декабря я заболела. Меня отвели в лазарет, также разделенный на две половины: больших и маленьких. У первых была смотрительница Мария Васильевна, у других Анна Андреевна (фамилии их никто не знал) под начальством лазаретной дамы m-те Ридигер и репетировавшей нас m-lle Флейн. Меня положили в постель, и у меня оказался круп; должно быть, я простудилась в коридоре; впрочем, и в классе постоянно открывались форточки для вентиляции. Меня привела сама m-lle Ган, и я совсем задышалась. Анна Андреевна, до прихода докторов, сама дала мне какого-то маслянистого питья, от которого подня-

лась сильная рвота, и мне стало легче, так что к приходу докторов (вечером около пяти часов Пицулевича, а утром его и Блюма) я чувствовала себя легко. Мне прописали лекарство, а на другой день я не могла не улыбнуться, глядя на смешную фигуру Блюма, никогда не говорившего ничего по-русски, кроме двух слов: «Как вам?». Не понимавший ответов, переводимых ему m-me Ридигер или Анной Андреевной, тоже немкой, на его родной язык, он с заложенными за спину руками делал каждой больной тем же тоном тот же вопрос и, даже не выслушав ответа, продолжал осмотр далее с Пицулевичем и дамами. Они оба в мое время не внушали нам доверия; но мы были обнадежены тем, что при осложнении болезни или неудачном лечении вызовут докторов-специалистов. Институтское начальство не жалело денег, и содержали нас прекрасно, не отказывая больным в их прихотях при выздоровлении, что я и испытала на себе не один раз. Нам давали улучшенную пищу, вино, фрукты, ухаживали за нами очень усердно обе смотрительницы, сами давали лекарство, а к тяжело больным нанимали сестер милосердия, в особенности при повальных болезнях, содержали в безукоризненной чистоте белье на нас и постельное, которое часто меняли. Родственницам дозволялось посещать свою больную хотя каждый день, а не имевших родни всегда вспоминал тамап, всегда пришлет чего-нибудь вкусного из кушаний или лакомства от себя, придет сама, расспросит, не хочет ли чего, приласкает и утешит. С глубоким чувством любви вспоминаю я ее. У меня были всегда свои деньги, и, по моей просьбе, что нужно мне покупала m-lle Ган и присылала или приносила сама, чтобы меня навестить. После этой болезни я долгое время ходила в лазарет кушать и ночевать.

К концу года я стала свыкаться с образом жизни и со странным обращением институток. Мало-помалу я начала сходитьсь и дружиться. Нас было четыре девочки, соединившиеся между собою дружбою. Это соединение в кружок называлось «кучкою». Если одна из кучки была именинница, то остальные члены кучки считали себя обязанными собирать подарки и устраивать на столике, принадлежавшем имениннице, в день ее ангела в изящном порядке все сделанные подношения, украшая различными вещами и искусственными цветами. По числу подарков можно было заключить о любви подруг. В число подарков входили: букеты живых цветов, бомбоньерки, платочки разных цветов, которые носили на шее и считали шиком, кольца, несессеры⁷⁹, духи, перчатки и прочие мелочи; в большом классе бывали подарки более ценные, в особенности если дарили маленькие своих больших обожательниц; но преимущественно посылались букеты живых цветов, а от друзей кто что мог. Первый год 9 декабря я ничего не получила, на второй год получила более двадцати, а потому и просила m-lle Ган приготовить угощение для нашей кучки и друзей, делавших мне подарки, состоявшее из традиционного пирога, который подавался первым угощением. Каждую именинницу отпускали из класса; я отправлялась в комнату m-lle Ган, где с помощью ее горничной все приготавливала. К 5 часам варился шоколад, классная дама уходила на это время; я разбирала корзину с покупками, все приглашенные являлись, и начинался пир. После пирога подавали шоколад, потом различные сласти, называемые *sochonneties* (буквально: грязь, отбросы (*фр.*); французское жаргонное слово, обозначавшее в школьной и студенческой среде смесь орехов и сухофруктов. – *Прим. ред.*), смотря по средствам именинницы. Но бывали очень богатые угощения и много приглашенных; тогда уже просили позволения праздновать или в столовой начальницы, или в рисовальной, или в дортуарах. Это происходило уже в старшем классе, где хотя и начиналось кулебякой с прибавлением многих холодных утонченных блюд, дичи, консервов, сыру, сардин и проч., но кончалось неизменным шоколадом с горюю дорогих тортов и печений, дорогих редких фруктов и конфет. Все это привозилось родителями или присылалось из дому в швейцарскую комнату в корзинах и свертках с наклеен-

⁷⁹ Бомбоньерка (бонбоньерка: от *фр.* *bonbonniere*) – конфетная коробка; несессер (от *фр.* *nécessaire* – необходимый, нужный) – компактный футляр с туалетными принадлежностями и другими необходимыми в дороге предметами.

ными надписями фамилий. Жены швейцаров относили туда, где происходило празднование. Трудно себе представить, что было на Рождество и Пасху, какие массы корзин и пакетов высились в классах и дортуарах. Ведь институток было более трехсот!

Праздник Рождества Христова начался всенощною и обедней в день Рождества. Пели превосходно, я нигде не слыхала такого стройного задушевного пения, как в институте; после обедни возвратились в дортуар, где все разбрелись по разным местам или уселись на свои места за кроватями; кто читал, кто шил костюмы, кто делал украшения на елку. Маленькие сравнительно с большими мало наряжались, ограничиваясь обходом в костюмах своих дортуаров маленького класса, не дерзая даже спускаться на второй этаж к большим, где встречали их насмешками и бесцеремонно прогоняли. Большие же целыми группами, в черных шелковых или уродливых масках, окруженные девицами других отделений, недружных с ними (чтобы нельзя было узнать), ходили везде. Здесь были и Пьеретты, и *Papes de fous* (пьеретта – персонаж итальянской народной комедии, тип мечтательной влюбленной; *papes de fous* – король шутов (*фр.*) – Прим. ред.), цветочницы, цыганки, маги, были и оригинальные костюмы, и чрезвычайно дорогие; некоторым присылали из Большого театра, а в 1855 году М. была замаскирована членом Адского Парламента – сатира, направленная против Англии⁸⁰, очень удачная; костюм был замысловатый и дорогой. Маски пользовались большою свободою, ходили ко всем, даже к тапан, где их угощали, а они танцевали согласно их костюмам, нередко высказывали свои обиды и замечания тем лицам, которыми были недовольны. Это было безопасно, потому что никто не имел права заставить снять маску, а никто из своих не выдавал подругу. То был старинный обычай института, и нарушить его никто не смел⁸¹.

Устройство елки было другим развлечением. Маленькие довольствовались их устройством в дортуарах; большие – в физической или рисовальной зале. Привозимое родными и купленное по записке классными дамами, пополненное складчиною от девочек всего отделения, шло на украшение елки; каждое отделение старалось богаче ее украсить. Кроме того, каждая из нас имела право вешать на елку подарки, предназначенные своим обожателям, которые после освещения елки снимались и подносились по принадлежности приятельницами, но не самими. После зажжения елки играли на фортепиано, танцевали, приходили приглашенные на елку, приезжали родные, которых угощали и подносили подарки.

По четвергам и воскресеньям были приемные дни. Выход девиц был торжественный. После обеда классная дама, приведя в дортуар, отбирала тех, которые ожидали посещения родных, и выводила в коридор свою партию; к ней присоединялись остальные из других отделений, и во главе с классною дамою в синем шелковом платье, в палевых перчатках, в черных кружевных или шелковых мантильках, в белом чепце из *tulle illusion* (узорчатый тюль (*фр.*) – Прим. ред.) (кто носил) двигались мы, одетые в праздничные костюмы и также в палевых перчатках, маленькие ростом впереди; за нами замыкалось шествие пепиньеркой. Выстроившись колонною посередине залы, мы становились *dos-a-dos* (Спина к спине (*фр.*) –

⁸⁰ В 1855 г. Россия вела войну с Англией, Францией и Турцией.

⁸¹ О костюмированных балах в петербургском Екатерининском институте вспоминала Н.М. Ковалевская: «Можно сказать, что костюмы были великолепные: турчанки, гречанки, тирольки, словом, всех наций, какие нам были известны, являлись в зал пестрой толпой, сияя молодостью, красотой и красивым нарядом. <...> Было 7 часов вечера, большой зал был освещен светло и красиво. Его высочество принц Ольденбургский, начальница со своими знакомыми, родные – уже заняли свои места; попарно ввели девиц в казенных платьях, за ними шли костюмированные тоже парами, в порядке надетых национальных костюмов. Когда все заняли свои места, начались танцы. Вдруг музыканты заиграли какой-то веселый вальс, двери из физической комнаты с шумом широко распахнулись, и в зал стала катиться со звоном и треском огнедышащая гора, выбрасывающая из своего жерла не лаву, нет, а конфеты, фрукты и разные сласти, которые ловко подхватывали девицы. За горою появился верстовой столб и ветряная мельница. Махая своими крыльями, она захватила ими столб и стала вертеться в бешеном вальсе. Все это очень понравилось начальнице, но больше всего – показавшаяся затем цыганская палатка с группами цыганок в самых разнообразных костюмах, которые под звуки музыки плясали по-цыгански, а кончив танцы, запели песню» (Ковалевская Н. Указ. соч. С. 619–620).

Прим. ред.) и, сделав реверанс вместе, как бы по команде, направлялись к родным. Часто приезжала молодежь поглазеть на институток, в особенности с поступлением княжны Трубецкой⁸²; кроме нее было множество хорошеньких. Если любопытные не удалялись, то к ним подходил наш полицеймейстер, всегда присутствовавший во время приема. Меня сначала навещал брат лейб-улан, м-г Прокофьев, и обязательно каждый четверг приносил мне коробку конфет наш парикмахер Николай Федоров, крестьянин деревни Косой, настоящий флант со шляпой в руке и при часах, так что трудно было поверить, что этот человек не *comme il faut* (светский человек (*фр.*) – *Прим. ред.*).

Потом поступил в Инженерное училище мой *cousin* Болотов, который иногда бывал у меня, чем я была очень довольна. На Масленицу нам давали блины и икру, присылаемую от двора принца Ольденбургского, а от императрицы – мороженое, и каждый год присылались придворные кареты, в которых размещали по шести девиц; более энергичных или достойных брала с собою начальница, ехавшая в первой карете, потом инспектриса и классные дамы брали своих любимиц, а остальные, более благоразумные, под ответственностью одной из *bons sujets*, садились одни по назначению и записке дам. Сидевшие одни были несказанно довольнее других. Маленьким давали в это время по чашке кофе с печеньями и распускали в дортуар.

Великим постом говели на первой неделе, и учителя не ходили. В свободное от посещения богослужений время нам читали духовные книги, а мы работали и свое, и казенное, метили белье, вязали чулки или вышивали. Духовник нас наставлял и объяснял значение исповеди. В пятницу с утра начинали исповедовать, приводили отделениями, в ожидании очереди сажали по шести в ряд на полу церкви. Первый ряд, сделав земной поклон, стоя ожидал своей очереди; сначала шла самая маленькая и так по росту до конца. В субботу, после причастия Св. Таин, в столовую приходила *татап*, поздравляла и говорила немного слов и наставлений; давали по чашке чая с красным вином и белым хлебом; обед был хороший. Весь пост давали постное. Пели в институте прекрасно; лучше пения «Да исправится молитва моя», по-моему, нигде не пели, как наши солистки. Выразительное, прочувствованное, полное умиления и мольбы пение сильно действовало на наши души, вызывая часто слезы. Певчие занимали оба клироса: большие стояли с правой стороны, и если *татап* не было (она с посетителями стояла позади), то одна из певчих давала знак прикладываться к Св. Евангелию; в большом классе я первая стояла с краю, и мы, шесть девиц, стоявшие в ряд, делали земной поклон и подходили прикладываться, за нами певчие и потом маленькие в том же порядке, обойдя аналой, чинно становились на свои места. На Пасху пение было умиленное и торжественное; ходили к заутрене и обедне не только мы, но на хорах присутствовали и наши больные в белых капотах. Нам позволяли их навещать целую неделю в лазарете. Разговляться нам давали по куску пасхи и кулича в столовой, после чего нас, маленьких, отводили в дортуар, а большие направлялись в залу, куда приходила *татап* христосоваться и приносила фарфоровые и стеклянные яйца по одному каждой, присылаемые императрицею. После ухода начальства, разделясь на кучки, рассаживались мы или на кроватях, или на своих излюбленных местах за ними на полу; сюда приносились присланные гостинцы, глупо называемые «кусочками»⁸³. Самая обидная брань в Институте было название «кусочница». Почему? Я, новенькая, не знала этого. Каждая кучка делила по равным частям между своими членами присланные кусочки, и, лакомясь, мы поверяли друг другу и

⁸² Речь идет о княжне Софье Сергеевне *Трубецкой* (1838 —?), дочери князя Сергея Васильевича Трубецкого (1815–1859) и Екатерины Петровны Мусиной-Пушкиной. В 1857 г. Трубецкая вышла замуж за герцога Шарля-Луи Огюста де Мори (1811–1865), побочного брата Наполеона III, посла Франции в России в 1856–1857 гг., президента французского Законодательного корпуса в 1854 и 1857–1858 гг.

⁸³ По свидетельству В. Гаруллы, «кусочками» назывались у институток всякие лакомства. К числу «кусочков» относились паточные леденцы, замороженные яблоки, медовые пряники, колбаса, драже и т. п. (Гаруллы В. Указ. соч. С. 43).

свои взгляды, и свои тайны, читали что-нибудь, делали свои замечания и критиковали многое и многих. Очень много и качеством, и количеством присылалось гостинцев; некоторым приносили пудовые корзины, начиная с дорогой дичи и паштетов и кончая конфетами и не менее дорогими фруктами, но предпочиталось *sochonnerie*: смесь орехов, изюму, миндалю, фиников, черносливу и т. п. Все имеющее специфический запах запрещалось и конфисковалось в пользу жен швейцаров: зеленый сыр, колбаса, селедки и пр. Это и были любимые вещи, как запрещенный плод. Чтение романов, которые иногда контрабандою проникали в институт и читались с наслаждением, тоже было строго запрещено. В Институте была и своя библиотека, изобиловавшая одними «Лучами» и «Звездочками»⁸⁴, которые давали нам читать, и то редко, в старшем классе; иногда классные дамы давали своим избранным книги, более на иностранных языках.

Наступила весна 1851 года, вскоре начались каникулы, скучные потому, что определенных занятий не было, а повторялось с классными дамами все пройденное за год; занятия с бестолковыми раздражали нас, и для меня было только одно удовольствие – читать или ходить по саду, вспоминая наше гнездо и родных. Меня, как одну из слабеньких, поили каким-то декоктом (отваром лекарственных трав. – *Прим. ред.*) натошак по утрам, что производило сильную тошноту; других поили сывороткой, будили рано и заставляли ходить полчаса в саду. Сад до 1853 года был разделен на две половины; старший класс свободно прогуливался по всему пространству, а мы не только не смели гулять в саду на половине старших, но даже не имели права ходить вблизи; иначе нас немедленно выпроваживали. Мы, некоторые из младшего класса, желая украсить свою половину сада, сажали цветы, кустики, привозимые родными, и сеяли разные овощи; часто, возвращаясь в сад, находили все вырванным и потоптанным; ребяташки подвального этажа (имеются в виду дети институтской прислуги, размещавшейся в подвальном этаже. – *Прим. ред.*) в дурную погоду истребляли посаженное. Посредине сада на круглой площадке, усыпанной песком, красовались *pas de geant* (гигантские шаги (*фр.*). – *Прим. ред.*) и двое качелей. К стороне Литейной улицы был отгорожен садик с фонтаном для тапан и находилась оранжерея с прекрасными цветами, которыми мы любовались. Другая половина до беседки, разделявшей отгороженный садик, носила громкое название ботанического сада, не имевшего ни одной былинки для этой цели, кроме нескольких яблонь с кислыми плодами, подвергавшихся нападениям мовешек, отчаянно рвавших яблоки из окон беседки – большой комнаты, уставленной тиковыми (обитый тиком, плотной хлопчатобумажной тканью, как правило, в широкую полосу. Тик производится до сих пор; идет на матрасы. – *Прим. ред.*) диванами, с обилием пауков-крестовиков. Гордость и украшение всего сада составлял громадный каштан пред окнами первого садового отделения (первое отделение называлось так потому, что размещалось в помещениях, выходивших окнами в сад. – *Прим. ред.*) старшего класса. Как он был величествен в своем цветении! Была перед террасой и клумба очень плохих цветов. Летом высочайшие особы посещали нас чаще, и по прошению тапан разрешалось нам сходить в Летний сад посмотреть памятник Крылову и еще в домик Петра Великого⁸⁵. Для этого и сшили нам шляпы особенного покроя и типа из серого батиста вместо розовых. Иногда в табельные дни выводили нас на балкон посмотреть иллюминацию или торжественную процессию.

В конце 1852 или начале 1853 года произвело большие толки в маленьком классе поступление княжны Трубецкой. Весть, что приехала какая-то новенькая красавица, облетела всех. Ее зачислили в первое отделение; но мы все увидели ее только в следующую

⁸⁴ «Звездочка» – журнал для детей, выходивший в Петербурге в 1842–1863 гг.; с 1845 г. – двумя отдельными изданиями с подзаголовками «Журнал для детей младшего возраста» и «Журнал для детей старшего возраста» (в 1850–1860 гг. второе издание выходило под названием «Лучи. Журнал для девиц»). Издательницей обоих журналов была А.О. Ишимова.

⁸⁵ Памятник И.А. Крылову в Летнем саду Петербурга был открыт 12 мая 1855 г. (скульптор П.К. Клодт). Домик Петра Великого – Летний дворец Петра I в северо-восточной части Летнего сада (архитектор Д. Трезини, 1710–1714).

субботу, когда инспектриса Фан-дер-Фур привела ее в рисовальную комнату, куда собраны были все отделения младшего класса, чтобы идти ко всенощной. Это была девочка лет 14, высокая, стройная, одетая в черное платье с белым отложным воротником и рукавчиками; а длинные белокурые косы ее, заложенные на затылке, были украшены двумя черными бархатными шу (пышный бант из насборенной ленты. – *Прим. ред.*), с длинными, почти до колен и широкими концами. Нежный розовый цвет лица, большие черные глаза, изящество манер, «*toute sa tenue*» (совершенная манера (*фр.*) – *Прим. ред.*), как выражались мы, произвели на нас очарование. Я узнала, что новенькая Трубецкая – пансионерка императора Николая I. Сколько раз в старшем классе я была с нею в одном отделении, даже учила ее по-русски Закону Божию. Я услышала от нее, что принцесса Матильда, княгиня Сан-Дonato-Демидова⁸⁶, желала ее удочерить и спрашивала на это разрешения императора, который предложил этот вопрос решить самой девочке; но та избрала возвращение в Россию под покровительство русского императора, и из Парижа, где она воспитывалась в пансионе с 1848 года, она вдвоем с горничной Степанидой, никогда ее не покидавшей, возвратилась в Петербург. Родных у нее было множество в знатном и придворном кругу. Мать ее не любила, а отец был разжалован в солдаты. Я иногда надписывала для нее к нему адрес на конвертах в Петровск; думаю, что многие помнят про его карточку, посланную родным: «Сергей Трубецкой, урожденный князь Трубецкой». Ее навещало много родственников, и она пользовалась особыми удобствами.

Вскоре после ее поступления пришло приказание от Ее Императорского Величества привезти несколько девиц с княжной Трубецкой⁸⁷ в Зимний дворец. За нами присланы были придворные кареты; начальница и инспектриса нас сопровождали. Нам было и весело, и страшно. Одели нам лучшие форменные зеленые платья, самые тонкие передники, окутали

⁸⁶ Принцесса Матильда (1820–1904) – дочь Жерома Бонапарта (младшего брата Наполеона I), жена Анатолия Николаевича Демидова (1812–1869), получившего в результате этого брака итальянский титул князя Сан-Дonato. Их брак длился всего около четырех лет (1841–1845); затем супруги развелись.

⁸⁷ История родителей Трубецкой была скандальной: ее мать Екатерина Петровна, дочь генерал-майора Петра Клавдиевича Мусина-Пушкина, фрейлины двора, была известна своей красотой и легкомыслием. С.Н. Карамзина писала о ней: «Катрин Пушкина пошла, глупа, как мало женщин на земле; ни зернышка здравого смысла в голове и никаких принципов поведения в сердце. Тот, кто женится на ней, будет отъявленным болваном, над которым она же, не стесняясь, станет издеваться, обуреваемая страстью к десяти другим, ибо в этом она превзошла всех» (Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 гг. М.; Л., 1960. С. 341). В 1835 г. ею увлекся и едва не женился на ней писатель граф В.А. Соллогуб, затем В.А. Давыдов (сын пушкинского «толстого Аристиппа» А.Л. Давыдова). В конце 1837 г. она оказалась беременна. А.Я. Булгаков в письме П.Ф. Макуровскому от 9 июля 1837 г. рассказывал: «Весь Петербург теперь только занят обрюхатевшею фрейлиною Пушкиною. Государь всегда велик во всех случаях. Узнавши, кто сделал брюхо, а именно князь Трубецкой, молодой повеса, сын генерал-адъютанта, он их повелел тотчас обвенчать и объявил, что она год уже, как тайно обвенчана. <...> Экой срам!» (Рус. архив. 1908. № 3. С. 376). Вскоре после венчания Трубецкие разъехались, ребенок родился и воспитывался за границей. С.В. Трубецкой вступил в службу из камер-пажей в Кавалергардский полк, в 1837 г. за «шалости» был переведен в лейб-гвардии Кирасирский полк. Входил в известный по биографии М.Ю. Лермонтова «кружок шестнадцати», в конце 1839 г. перевелся на Кавказ и был прикомандирован к Гребенскому казачьему полку. Здесь участвовал в боевых действиях, продолжал приятельствовать с Лермонтовым. Во время последней дуэли поэта был секундантом Н.С. Мартынова. В 1843 г. вышел в отставку и «определен к статским делам». В 1851 г. на шумела история похищения им «жены коммерции советника» Лавинии Жадимировской, ознаменованная вмешательством III отделения и лично Николая I; описана в очерке П.Е. Щеголева «Любовь в равелине» (см.: Алексеевский равелин. М., 1998. Кн. 1. С. 357–377) и послужила основой романа Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов». Трубецкой был арестован, полгода провел в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, был судим военным судом, лишен чинов, дворянства и княжеского достоинства и переведен рядовым в Оренбургские линейные батальоны, в порт Петровский на Аральском море. В ноябре 1855 г. был уволен со службы с чином подпоручика и до конца жизни находился под секретным надзором (в 1857 г. дворянство и титул были ему возвращены). Семья Трубецких была очень близка ко двору, чем и объясняется особое внимание императорской семьи к дочери «урожденного князя». Старший брат Сергея Васильевича – Александр (1813–1889), штаб-ротмистр Кавалергардского полка, пользовался большим расположением императрицы Александры Федоровны; сестра – Мария Васильевна (1819–1895) была фрейлиной двора. Сплетники, и в их числе князь П.В. Долгоруков, уверяли, что она имела добрачную связь с великим князем Александром Николаевичем (см.: Долгоруков П.В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 229). М.В. Трубецкая была замужем за флигель-адъютантом А.Г. Столыпиным, а после его смерти – за князем С.М. Воронцовым (с 1851 г.). Подробнее см.: Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1908. Т. 4. С. 74; Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 4. С. 25; Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М., 1964. С. 63, 333–340.

шарфами, надели мантишки с капюшонами, и мы тронулись. По приезде нас раздели, осмотрели наш туалет и повели через множество комнат и зал на половину императрицы Александры Феодоровны. Каждую дверь отворял камер-лакей, а в зеркальной зале арабы в красных великолепных мундирах, в башмаках и чулках; везде изображения черных физиономий отражались в зеркалах и устрашали нас. Наконец мы вошли в сравнительно небольшую комнату; посредине ее стоял круглый стол, везде цветы и зелень, мебель была простая, старинная; там встретила нас фрейлина Бартенева⁸⁸ и сказала обождать; было между 12 и первым часом. Потом ввели нас в комнату побольше, где мебель была обита синим бархатом; перед диваном в углублении стоял стол, кругом стен были выставлены высокие, цветущие деревца, от которых мебель была отодвинута; в одном простенке на столе стояло деревянное блюдо с искусно выточенными вишнями и другими ягодами (это я успела рассмотреть до прихода Ее Величества). Потом каждая из нас не спускала глаз с императрицы, с благоговением запоминая ее величественные черты лица. «Bonjour, Votre Majeste Imperiale», – приветствовали мы ее, делая глубокий реверанс. «Bonjour, mes enfants» («Здравствуйте, Ваше Императорское Величество»; «Здравствуйте, дети» (*фр.*) – *Прим. ред.*), – отвечала она нам и милостиво протянула руку, которую мы с восторгом поцеловали. Одетая она была в синей шелковой юбке и черной бархатной, по талии сшитой, кофточке; на голове был чепчик кружевной с оранжевыми лентами; бант немного отпоролся, и как мы желали, чтобы он упал, и мы спрятали бы его на память. Милостиво расспросив нас, она стала говорить с княжной Трубецкой; не успели еще мы осмотреться, как вошел император: «Здравствуйте, дети!» – «Здравствуйте, Ваше Императорское Величество», – весело отвечали мы, окружили и стали ловить его руку, чтобы поцеловать; но он не дал, подняв кверху, потом одних погладил по голове, других поцеловал.

Я еще в 1848 году часто видала императора; еще дома, по приезде в Петербург, мы с гувернанткой часто ходили на единственную тогда железнодорожную станцию, поджидая приезда Его Величества из Царского Села; нас никогда не отгоняли, зная, как император любил детей. Он всегда был, видимо, доволен, если нас собиралось много, и, сбросив, бывало, с плеча свою традиционную шинель, сам же натянет ее опять и, постояв несколько секунд, скажет: «Прощайте, дети!». Однажды повели нас на парад в том же 1848 году, происходивший, кажется, на Царицынском лугу⁸⁹; мы выбрались вперед, и какой-то свитский офицер поставил нас очень близко от императора, который был в казацком мундире; возле него стояли два кадетика в шинельках и фуражках без козырька; нам сказали, что это внуки императора: цесаревич Николай и великий князь Александр⁹⁰. Первый стоял тихо, а второй что-то говорил, дергая императора за полу; брат, стоявший ближе, передавал мне потом, что он говорил: «Дедушка, возьми на руки». Император отсылал его к воспитателю, но тот не слушался и все просил его. Наконец мы увидели его на руках августейшего деда и по окончании парада удостоились слышать: «Прощайте, дети!».

⁸⁸ Скорее всего – Прасковья Арсеньевна Бартенева (1811–1872), фрейлина императрицы Александры Федоровны, певица-любительница. А.Ф. Тютчева вспоминала о ней: «Полина была очень добрая девушка, чрезвычайно толстая и с прелестным голосом; мой отец (Ф.И. Тютчев) про нее говорил, что это соловей, заключенный в перину» (Тютчева А.Ф. Воспоминания. М., 2000. С. 33–34; см. также: Сабанеева Е.А. Воспоминания о былом // История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 396–397). Фрейлиной была также родная сестра П.А. Бартеневой – Надежда (1821–1901).

⁸⁹ Царицын луг – территория между Лебяжьим каналом и рекой Мойкой, первоначально болотистая луговина. В первой половине XVIII в. был осушен и превращен в место проведения праздников и военных парадов. Традиционные ежегодные парады на Царицыном лугу проводились со второй половины XVIII в. до начала XX в. См. их описание: Игнатьев Н.П. Пятьдесят лет в строю. М., 1955. Т. 1. С. 90–93. После возведения в 1801 г. в южной части Царицына луга памятника А.В. Суворову «в образе Марса» (скульптор М.И. Козловский; в 1918 г. памятник перенесен ближе к Неве) за площадью постепенно закрепилось второе название – Марсово поле.

⁹⁰ Цесаревич Николай (1843–1865) и великий князь Александр (1845–1894) – сыновья Александра II.

«Пойдемте, я покажу вам зимний сад!» Мы пошли за ним и были поражены величиной деревьев, множеством цветов и летающих птиц. Государь сел на скамеечку; мы окружили его. Он делал каждой вопрос по-русски, а потом, обратившись к княжне Трубецкой, сказал: «Дети, переведите ей мои слова, что если она не выучится по-русски, то я ее и в солдаты не возьму». По возвращении императора на половину императрицы он обнял ее за талию и спросил: «Приготовлено ли детям угощение?». Нас вызвали к круглому столу в соседнюю комнату, где мы ожидали, и предложили шоколад с печеньями и по коробке конфет каждой из восьми девиц. Государя мы не видали более, а императрица, сказав фрейлине: «Montrez les appartements aux enfants» («покажите детям комнаты» (фр.). – Прим. ред.), подозвала княжну Трубецкую, с которой неизвестно о чем изволила говорить. Нам показывали весь дворец. Более всего мне памятна на половине императрицы спальня императора: за ширмами простая железная кровать, покрытая белым тканевым одеялом, и сафьянная зеленая подушка лежала в головах. На ширмах с наружной стороны висели портреты августейших родственников в небольших размерах. Ванная императрицы – белая мраморная, маленький сад с фотом, в котором бил фонтан; его пустила фрейлина Бартенева, и за брызгами мы не могли выйти из грота. Мы видели столько невиданных, роскошных вещей и такое множество зал и различных комнат, что у нас все смешалось и перепугалось; ведь, по правде сказать, мы только пробежали по дворцу! Я совсем иззябла в одной пелеринке, как и все мы, и m-lle Бартенева накрыла меня, по своей доброте, полою своей бархатной мантильи (испанской кружевной накидки. – Прим. ред.) и так ходила со мной.

Жилой флигель Смольного института

Класс первого садового отделения был первый в коридоре налево, если выходили из швейцарской, против двери которой широкая и светлая парадная лестница вела в верхние

этажи. Поэтому, кто бы ни входил из высокопоставленных особ, к первым попадал к нам. Нам объясняли ранее, что при посещении кого бы то ни было перерыва в занятиях и уроках не должно быть, за исключением посещения Их Величеств и цесаревича с цесаревной, и никаких извещений о посещении не было. Если же удостоивали нас посещением вышеназванные царственные особы, то швейцар звонил в особенный колокольчик с мягким звуком, извещавший об их прибытии, и все должны были собираться по своим классам. С переходом в старший класс мы всегда должны были быть готовы встречать в должном порядке высоких гостей.

С новыми классными дамами m-lle Араловой и Петровой началось наше учение более сложное и трудное: учителя сменились профессорами, курс учения пошел серьезно и дельно, требовал внимания и усиленных занятий; нас избавили от всяких *esolieres*; из каждого предмета хорошая ученица вела свои записки, *extraits*, по которым училось большинство; учебных книг совсем почти не было, кроме Закона Божия: составляли и записывали лекции учителей сами девицы, которые просматривались и дополнялись учителями на так называемых *feuilles volantes* (отдельных листках (*фр.*) – *Прим. ред.*). В первых отделениях программа преподавания была пространнее, и профессора были разные; только один законоучитель и духовник оставался один и тот же во всех отделениях и классах. Это был Дмитрий Максимыч Максимов⁹¹, человек образованный и исполненный чрезмерной снисходительности и любви к своим духовным детям. У каждой из нас была тетрадь заметок, где я вписывала все, что рассказывал батюшка, его разные замечания и объяснения на непонятные нам славянские слова. По-славянски мы читали, но грамматики не знали. В старшем классе мы прочли жития многих русских святых, к изучению коих приступили после неудачного экзамена воспитанниц Николаевского сиротского института: инспектор заставил нас в короткое время приготовить многое, потому что цесаревна на экзамене могла заметить нам то же самое: «Отчего мы не знаем житий святых русских?». Каждая прилагала все усилие, чтобы не осрамиться у батюшки, и на экзаменах все отвечали хорошо; а ведь в старшем классе приезжали нас слушать и экзаменовать такие светила духовного мира как Макарий, протопресвитер Бажанов, Лебедев⁹² и др. Наш духовник замечательно рассказывал. Многие иноверки оставались его послушать; он не задавал ни одного урока, не рассказав и не объяснив. Всякий раз казалось, что он говорит новое: так красноречиво передавал он уже пройденное нами. У католичек в здании нашего института была своя церковь, а лютеранок с классною дамою-лютеранкою возили в кирку. Для занятий с ними Законом Божиим приходили ксендз и пастор.

Преподавателем русского языка был в маленьком классе Петр Иванович Боголюбов⁹³. Он строго относился к лентяйкам; да и нельзя было не возмущаться, с какими грубыми ошибками писали многие девочки. Он приносил свои заметки, мы их списывали, по ним учили и отвечали. Мне было легко у него учиться: свои листки он передавал или мне, или своей дочери. В старшем классе преподавал сам инспектор Платон Григорьевич Ободовский⁹⁴. Его лекции были интересны, особенно когда он читал сочинения поэтов и писателей, читал блестяще-увлекательно; он это делал в награду, если хорошо отвечали. Он увле-

⁹¹ По всей видимости, имеется в виду Дмитрий Никитич Максимов, протоиерей, духовник и законоучитель Екатерининского института.

⁹² Макарий (в миру Булгаков Михаил Петрович; 1817–1832) – архиерей, позднее митрополит Московский; Бажанов Василий Борисович (1800–1883), богослов-популяризатор, духовник царского дома с 1849 г.; какой Лебедев имеется в виду, установить трудно, скорее всего речь идет о протоиерее Петре Алексеевиче Лебедеве (1806–1887) – выпускнике С.-Петербургской духовной академии, священнике и законоучителе во многих петербургских учебных заведениях.

⁹³ Боголюбов Петр Иванович (1808–1880).

⁹⁴ Ободовский Платон Григорьевич (1803–1864) – педагог, драматург, поэт и переводчик. Инспектор классов в Екатерининском институте с 1839 г.; с 1844 г. также преподавал там российскую словесность.

кался и часто вместо своего предмета предлагал неподходящие вопросы. Например, читает «Три пальмы» (баллада М.Ю. Лермонтова. – *Прим. ред.*); мы все с замиранием сердца стараемся ловить каждый звук. Вот он кончил и обращается с вопросом к вызванной ученице: где растут пальмы, какая страна, жители, нравы, обычаи, правление, современные государи? И выходит не урок русской словесности, а экзамен по всем отраслям наук. К ответам своего предмета он относился строго; требовал, чтобы его лучше готовили, и задавал большие уроки; в особенности мучил он нас греческой литературой, не оставлял и индейскую и др. У Платона Григорьевича мы писали сочинения на темы довольно трудные и делали разборы. Учились также по его запискам, или каждая из лучших учениц после его лекции записывала с его слов. Писать приходилось много по всем предметам. Тема задавалась одна всему классу; но для проверки вызывали к доске (которых было две в классе) и заставляли писать на незнакомую тему: тогда и выяснялись способность и умение вызванной девицы писать правильно. Это делалось из всех предметов. Подсказать было невозможно, а передать листок еще труднее, несмотря на умение это сделать через *poste votante* (Летучую почту (*фр.*). – *Прим. ред.*). Меня в обоих классах постоянно вызывали: я хорошо читала стихи, писала без ошибок и сочиняла порядочно. На экзамене в последний год маленького класса я отвечала басню «Три мужика» (басня И.А. Крылова. – *Прим. ред.*), за что получила большие похвалы и не в очередь обедала у тамап.

Древнюю историю начал с нами Аникиев⁹⁵, учивший и в Смольном. Это был хороший старичок, очень снисходительный, приносивший нам из Смольного письма сестер и передававший наши туда. Мне кажется, что часто они долго лежали в его боковом кармане и по несколько раз бывали в стенах того и другого заведения, не попадая в руки адресатов. Он чертил на большой классной доске, показывая постепенное заселение Земли различными народами, всегда рассказывал задаваемый урок, но придерживался того, чтобы мы учились по книге изданной им истории и заучивали слово в слово, что было почти всем очень трудно и совершенно противоположно тому, как стал читать свои лекции Тимаев, сын инспектора Смольного⁹⁶, в старшем классе. Делая записки с его слов, мы прошли с ним древнюю, среднюю, новую и русскую историю пространно. Предмет этот в старшем отделении стал очень интересен, благодаря рассказам г-на Тимаева; но, поставленный в известные рамки и увлекаясь изложением исторических фактов, он вдруг краснел, заикался и переходил на другое. Мы вызывались к доске и по порядку писали восшествие на престол Рюрика и его преемников и современников, царствовавших во всех известных в то время странах; тут иногда смешные несообразности отвечающих и писавших возбуждали искренний смех.

Географию в большом классе преподавал Вержбилович⁹⁷. При первом приходе его в класс мы были поражены его наружностью. Высокий, худой, длинный, узкий в плечах, со странными манерами, он поразил нас своею уродливостью; но все насмешки затихли, когда он стал говорить. Он прекрасно чертил карты, заставлял нас делать то же, в особенности местности губернии, нашей родины; рассказывал нам многое из осады Севастополя. Щеголев был его воспитанник, и многие происшествия войны нам были известны более из его рассказов, чем из газет, которые читали нам ежедневно классные дамы. Он чертил на доске план северной и южной сторон Севастополя, прямо говорил, что посланные туда войска идут на бойню, что оборона невозможна. Я с сильным вниманием вслушивалась, соображала и много мучилась его разоблачениями, так как в Севастополь перевелся мой брат; да я полагаю, что и многие, у кого были там близкие, разделяли со мною мои чувства.

⁹⁵ Аникиев Александр Сергеевич (? – 1853) – преподаватель истории, составитель учебного пособия по истории.

⁹⁶ Тимаев Николай Матвеевич, коллежский ассессор. Его отец – Тимаев Матвей Максимович (1798–1858), действительный статский советник, инспектор Смольного института в 1839–1858 гг.

⁹⁷ Вержбилович Валерий Варфоломеевич (1813–1865), титулярный советник.

Естественную историю начали мы учить с Феодором Дмитриевичем Студитским. Он приносил нам исписанные им самим листы, но столь неразборчивые, что я только одна и могла их прочесть, за что он ко мне благоволил. Он приносил картины для ознакомления нас с животными и растениями и минералы различных пород. После его первого урока, когда он стал вызывать повторить слышанное, я встала; но меня удержала опытная соседка по классу, объяснив потом, что я бы получила отов всех нелестное название «сувалки» (институтская брань: суешься, куда не следует). На первом экзамене я совершенно случайно отличилась. Матан, бывши на экзамене с инспектором, обратилась с вопросом к отвечающей: «Из чего мы получаем хлеб?». О ужас! Этого многие не знали. В старину, в мое время, было стыдом ходить на скотный двор, смотреть на работы крестьян; поэтому нельзя было и осудить это незнание. Студитский вызвал меня, и я рассказала весь процесс посеянного зерна, объяснила, что значит пахать, боронить, сеять, жать, косить, молотить, молоть и названия земледельческих орудий. В большом классе мы проходили естественную историю вторично уже на французском языке с г-ном Менетрие, немолодым глухим учителем, наполовину не слышавшим, что ему отвечали, но занимательным рассказчиком всего виденного им (он путешествовал по всему свету). Часы в его классе проходили незаметно. Часто мы с ним уходили в физическую комнату для опытов, для осмотра электрических и других машин. Физику и естественную историю проходили мы по книгам его сочинения на французском же языке, но все-таки не обходились без заметок и объяснений.

Математику мы как начали с Францем Ивановичем Буссе, так и кончили. Это был немолодой, седой профессор, директор мужской гимназии, очень строгий и нелюбимый многими. Его привычкою было уходить в конец класса, садиться на последнюю лавочку, оттуда задавать вопросы и смотреть, как решают задачи вызванные к двум черным большим доскам четыре девочки. Это имело свою стратегическую цель: не было возможности передать что-нибудь по *poste volante*, и ни одна бумажка с решением задач не ускользала от его внимания. Он редко спрашивал первых учениц, только при объяснении нового урока, заставляя их повторить, ссылаясь на то, что они всегда знают и хорошо отвечают, почти никогда не вызывал последних, говоря, что их никогда ничему не выучишь, и занимался исключительно со средними, что было совершенно верно.

Средние очень поправлялись и занимались охотнее. Один раз он до того осерчал, вызвав одну из тупиц, которой задал самый пустяшный вопрос, что сказал: «Кто глупее осла?» – «Немец!» – отвечала та без запинки. В маленьком классе он всегда прибежал, объясняя дробь, к числу лиц, составлявших кучки, потому что знал все обычаи, названия и выражения институток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.